

The background of the book cover features a photograph of a park-like setting. In the foreground, several large, dark tree trunks are visible, some leaning at angles. The trees are surrounded by lush green foliage. In the upper left corner, a portion of a white building with a decorative architectural element is visible. The overall scene is brightly lit, suggesting a sunny day.

Дарья Дядькова

*Четырнадцать дней
непогоды*

16+

Дарья Дядькова

Четырнадцать дней непогоды

«Автор»

2019

Дядькова Д. С.

Четырнадцать дней непогоды / Д. С. Дядькова — «Автор», 2019

Роман-признание в любви пушкинской эпохе, где реальные исторические лица и события переплетены с вымышленными. История о трудностях взросления женщины среди сословных предрассудков того времени, о человеческой слабости и силе, на которую способны чувства. Судьбы героев связаны и с императорским двором, и с сибирской ссылкой, и с литературными кругами, где действуют выдающиеся личности того времени: В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, А.О. Смирнова-Россет

© Дядькова Д. С., 2019

© Автор, 2019

*Посвящается моему дорогому человеку
Благодарность:
моей маме Надежде Матвеевко
Литературному институту имени А.М. Горького
моим учителям Руслану Кирееву и Сергею Есину
Светлане Мрочковской-Балашиовой
Александру Коврижных*

"Кажется, они рассуждали так: если этот анекдот был в самом деле, тем лучше; если он кем-либо выдуман, это значит, что он происходил в душе его сочинителя; следовательно, это происшествие все-таки было, хотя и не случилось"

(В.Ф. Одоевский. Русские ночи)

КНИГА 1, ИЛИ ПРОЛОГ. Сцены из сельской жизни

*Первое слово
Приют спокойствия,
Трудов и вдохновенья
Пушкин
Целебней воздух здесь,
Живей сиянье дня,
И жизнь прекраснее,
И сердце безмятежней!
Кн. Вяземский
Блажен, кто за рубеж
Наследственных полей
Ногою не шагнет,
Мечтой не унесется...
барон А. А. Дельвиг*

Уездный город М-ск был одним из самых благоустроенных в губернии и находился в двух часах езды от губернского города. Но кто знает наши русские дороги, тот может себе представить, что в пору осенних дождей, зимних метелей и весенней распутицы, его жителям могло понадобиться и три, и четыре часа на ту же дорогу.

Население уезда составляли и помещики средней руки, и генералы в отставке, ветераны Александровского времени, прошедшие от Аустерлица до Парижа – таким был Иван Иванович Горин. Наконец, верхушкой уездного общества назывались: князь Павел Сергеевич Муранов, наследник огромного состояния покойных родителей, который считался самым богатым помещиком в округе и князь Николай Петрович Озеров, бывший предводитель уездного дворянства – самый уважаемый человек в уезде.

Все прелести деревенской жизни описали нам гг. поэты в своих стихотворениях. Мне остается только добавить, что, хотя свежий воздух и близость природы располагают сельских жителей к мирным занятиям и спокойным размышлениям, порой и в небольших уездных городках случаются необыкновенные происшествия, о каких не услышишь и в столичных гостиних. Но сейчас речь пойдет не об этом, а о размеренной и спокойной сельской жизни.

*I
Счастлив, кто испытал
Прогулки зимней сладость
Кн. Вяземский
«Мороз и солнце! день чудесный.*

Еще ты дремлешь, друг прелестный?»

С сияющим лицом и пушкинскими строками князь Павел Сергеевич Муранов вошел в комнату своей невесты февральским утром.

Князь Муранов давно уже очаровал и невесту, и все ее семейство до того, что дата свадьбы была назначена на будущую неделю. Но он продолжал, в отличие от других нынешних женихов, делать различные приятные вещи и оказывать знаки внимания и невесте, и всем ее родственникам. Объяснялось это тем, что Павел Сергеевич не чаял души в своей будущей супруге.

А княжна Евдокия Николаевна Озерова была достойна любви этого благородного молодого человека, прежде всего потому, что любила его взаимно. Кроме того, она была хороша собой, прекрасно воспитана, обладала живым и пылким умом и, что самое удивительное для уездной барышни, имела глубокие познания в области словесности и изящных искусств, достойные светских салонов Петербурга.

Она давно мечтала о замужестве – с тех пор, как полюбила князя Павла. Найдя в вещах маменьки ее старый чепец и спрятав в своей комнате, княжна нередко примеряла его перед зеркалом, представляя себя замужней дамой, княгиней Евдокией Николаевной Мурановой.

За неделю до свадьбы Павел Сергеевич пригласил семью будущей жены в свое имение.

Евдокия приехала налегке, за два дня до остальных, собиравших приданое и другие вещи, и была вверена покровительству Веры Федоровны Загряжской, тетушки своего жениха.

Додо, как называли княжну в семействе, уже не дремала, но сидела в креслах с очередной книгой из библиотеки князя.

– Все читаешь? Кому на этот раз я обязан твоим опозданием к завтраку? – не всерьез сердился князь.

– Прости, Поль. Это «Северные цветы» на нынешний год. Меня поразила одна новелла.

– *Chere amie*, давай после о новелле. Тетушка не любит, когда завтрак задерживают. К тому же, после него я хотел бы позвать тебя на прогулку – нам пора осмотреть владения, которые скоро станут и твоими.

– Я подойду через минуту, – кивнула Евдокия, торопясь по привычке оставить закладку в альманахе. Но это было ни к чему – «Последний квартет Бетховена» она не смогла бы забыть.

Евдокия воспитывалась в любви к музыке – ее маменька, в молодости державшая свой салон в Петербурге, сперва сама занималась с детьми пением и фортепиано, а после старательно подбирала толковых учителей. Среди детских воспоминаний княжны были музыкальные альбомы с нотами и изображениями композиторов, которые отец выписывал из Германии.

Портрет Бетховена висел в кабинете для музыкальных занятий, над фортепиано; его строгий взгляд из-под густых бровей был призван уберечь юных Озеровых от лени и озорства, и потому Евдокии он всегда казался каким-то грозным, иногда даже пугал ее. Но теперь она узнала вдруг другого Бетховена – то был живой, несчастный, страдающий человек. Евдокия и представить себе не могла, что такой прославленный композитор мог закончить свои дни в нищете и неизвестности. Но автор новеллы не это считал главным – он говорил о какой-то загадочной пропасти между мыслью и выраженьем, о тайне творчества. Княжна не все поняла, но прониклась голосом сочинителя: ей слышалось в нем будто что-то знакомое и, в то же время, волнующе новое. Евдокия думала, что говорить с этим человеком, было бы, наверно, так же интересно, как с маменькою, и так же легко, как с другом Евгением. В тайне она давно мечтала, как после замужества придет в Петербург и будет представлена своим любимым поэтам и писателям: Вяземскому, Дельвигу, Языкову, а вдруг даже самим Жуковскому и Пушкину? Но «Последний квартет Бетховена» был подписан таинственным сочетанием букв «Б,Ъ,Й» и узнать по нему автора не представлялось возможным. Это обстоятельство еще сильнее питало воображение Евдокии и волновало ее ум.

Через некоторое время во двор вышел молодой человек в енотовой шубе и боливаре. Он держал под руку девушку, чьи пальто и шляпка были отделаны собольим мехом. Во дворе стоял возок, полностью готовый к поездке. Лицо молодого человека было сосредоточено, как будто он хотел что-то вспомнить. Затем оно прояснилось, и Павел начал декламировать:

«Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!

Красивый выходец кипящих табунов,

Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,

Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.

(Павел помог княжне усесться и сам забрался в сани)

Украшен твой наряд лесов сибирских данью,

И соболь на тебе чернеет и блестит.

(«Как кстати», – улыбнулась Евдокия.)

Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,

Румяных щек твоих свежей алеют розы,

И лилия свежей белеет на челе.

Как лучшая весна, как лучшей жизни младость

Ты улыбаешься утешенной земле,

(сани неторопливо покатались).

О пламенный восторг! В душе блеснула радость,

Как искры яркие на снежном хрустале.

Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!

Кто в тесноте саней с красавицей молодой,

Ревнивых не боясь, сидел рука с рукой...

(здесь князь позволил себе заменить и опустить некоторые слова в оригинале стихотворения, сочтя их излишнею вольностью)

Как вьюга легкая их окрыленный бег,

Браздами ровными прорезывая снег

И, ярким облаком с земли его взвевая,

Сребристой пылью окидывает их.

Стеснилось время им в один крылатый миг.

По жизни так скользит горячность молодая,

И жить торопиться, и чувствовать спешит!

Напрасно прихотям вверяется различным,

Вдаль увлекаема желаньем безграничным,

Пристанища себе она нигде не зрит».¹

– «Первый снег» князя Вяземского! Это же мое любимое стихотворение, – воскликнула Евдокия.

– Я знал, что тебе понравится.

– Что же, Павел, ты решил устроить сегодня день поэзии? – шутливо спросила княжна.

– Я просто знаю, что ты любишь стихи, и могу хоть каждый день их читать тебе. Сейчас я подумал, – задумчиво начал князь, – что завтра неплохо было бы съездить на охоту. Ведь сегодня вечером придет твоя семья, и если бы твои отец и брат оказали мне честь, присоединившись ко мне...

– Папенька и Миша будут рады отправиться с тобой, а что до рара, он просто замечательный охотник.

– Если это так, – обрадовался Павел, – то завтра мы поохотимся, а со следующего дня займемся приготовлениями к свадьбе. Ты согласна?

– Конечно, – ответила княжна.

Сани медленно ехали по свежевыпавшему снегу, вокруг стояли мохнатые ели и тонкие, почти прозрачные березы, вдали виднелась замерзшая река. Евдокия в упоении оглядывалась по сторонам, наслаждаясь вниманием жениха, своею ролью невесты и на время позабыв о взволновавшей ее новелле из «Северных цветов».

II

*В вас часто любит голова
И часто сердце рассуждает.*

Кн. Вяземский

*Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*

Лермонтов

Аглая Ивановна Горина пребывала в смятении. В ее живом воображении, развитом на французских романах, стояла пленительная картина: она, дочь небогатого генерала, провинциальная m-lle Egle – царица петербургского света.

Вся в цветах и бриллиантах, легка и полувоздушна, она, едва касаясь пола, порхает по зеркальному паркету...

Аглая встряхнула кудрявою головкой, желая прогнать наваждение, и тут же ей представилась другая картина: маленький домик в Петербурге, небогато обставленная гостиная, а в креслах перед камином сидит она, в чепце и скромном платье, и рядом Миша с гитарой, поющий чувствительный романс. «Миша любит меня, – сама себя убеждала девушка, – моего приданого и его средств хватит, чтобы устроиться в столице, а со временем... со временем он станет получать, возможно, неплохое жалованье, и мы сможем выезжать». Но тут Egle представились презрительные взгляды петербургских дам и разрушили ее робкие надежды.

«А если я отдам руку Роману Платоновичу, который вот-вот ее попросит, – продолжала размышлять генеральская дочь, – то никогда не узнаю бедной жизни и презрения, а все удовольствия света станут для меня обыденными... и воля родителей будет исполнена. А как же любовь? Нет, Орлова я никогда не смогу полюбить», – грустно подумала Аглая и в очередной раз вернулась к тому, с чего начала.

Стук копыт и звук подъезжавших саней привлек барышню к окну. И когда она увидела князя Михаила Озерова, подходившего к дверям ее дома вслед за своим другом поручиком Мирским, все сомнения минувших суток, казалось, оставили Egle – выбор ее уверенно склонился в сторону Мишеля.

Генерал встречал гостей:

– Милости просим, голубчики Михаил Николаич, Алексей Григорьич.

Молодые люди привычно расположились в гостиной. Они часто бывали у Ивана Ивановича и всегда хорошо принимались генеральской семьей.

Сам генерал расположился в вольтеровских креслах и велел принести чаю и чего-нибудь покрепче. За небольшим столиком сидела его супруга, приглашая молодых людей за бостон.

Хозяйка дома, Зинаида Андреевна Горина, представляла собою многим знакомый образец русских барынь, которые говорят громко и никого, кроме себя, не слышат, с равным пылом радеют о детях и бранят слуг, по вечерам играют с соседями в карты и не видят причин, по которым их жизнь могла бы протекать как-то иначе.

Алексей и Михаил присоединились к генеральше, а в это время в гостиную спустилась Аглая Ивановна. Как князю Озерову не хотелось бросить карты и устремиться к генеральской дочке, он продолжал мужественно сражаться в бостон с Зинаидой Андреевной, время от времени поддаваясь.

III

*С огнем в очах,
С гитарой сладкогласной*

Пушкин

Он был титулярный советник,

Она – генеральская дочь

Русский романс

Князь Михаил Николаевич был сыном и наследником весьма уважаемого в уезде Николая Петровича Озерова, бывшего предводителя дворянства. Мишель, как его называли родные и друзья, был восторженный молодой человек, с неизменным набором всех мечтаний юности, таких как служба в гвардии, положение в свете и, непременно, белокурые локоны и голубые очи уездной барышни, какой для Миши стала Egle Горина. Кроме того, молодой князь прекрасно играл на гитаре и обладал приятным голосом, каким распевал своей возлюбленной романсы, а друзьям – шальные гусарские песни.

В чертах лица его еще было что-то детское, но небольшие усики, которыми Миша очень гордился, придавали ему, по мнению молодого человека, весьма мужественный вид. Но самыми замечательными были его глаза, большие и голубые, и его добрый и веселый нрав.

Как Михаил ни стремился попасть в кадетский корпус, открывавший перед ним заманчивые перспективы военной службы и столичной жизни, родители поместили его, при достижении двенадцатилетнего возраста, в Царскосельский Лицей, где в свое время учился великий Пушкин.

Сейчас молодой князь, которому было не более осмнадцати лет, вышедши из Лицея с чином титулярного советника, поступил, по настоянию родителей, под начало папеньки в уездное управление, где Николай Петрович, как надворный советник, занимал высокий пост.

Как любезный читатель уже догадался, Михаил был влюблен в m-lle Горину и сегодня вечером, наконец, решился просить у генерала ее руки. Из множества планов и мечтаний молодого человека в настоящий момент на первом месте оказалась женитьба. С этим твердым намерением Миша встал, извинившись, из-за стола, оставив своего друга с бостоном и Зинаидой Андреевной, и направился к вольтеровским креслам, в которых пил чай генерал.

«Милостивый государь Иван Иванович, – начал Михаил, – со всем моим уважением к вам, позвольте сообщить, что я люблю вашу дочь и прошу у вас, как великой чести, ее руки».

Генерал поставил стакан и задумчиво поднял глаза на князя.

Лицо Аглаи Ивановны, сидящей поодаль, порозовело, но оно больше не выражало сомнений, скорее, нетерпение и беспокойство. А в это время в гостиную вошел лакей и доложил:

«Граф Роман Платонович Орлов пожаловали-с».

IV

Не шей ты мне, матушка,

Красный сарафан!

Русская песня

Это был человек средних лет, с холодным и пронизательным взглядом, с густыми темными волосами и бакенбардами. Лицо его выражало скуку и равнодушие ко всему происходящему.

Говорили, что граф Орлов пережил бурную молодость. Родившись в столице, он воспитывался в одном из пансионов и с ранних лет мечтал добиться успеха на двух поприщах: на службе и в свете.

Поступив коллежским секретарем в Министерство иностранных дел, Роман Платонович работал некоторое время старательно, но вскоре ему надоело подчиняться, он вышел в отставку и пустился в большой свет. Богатство и знатность быстро сделали графа модным человеком в Петербурге, но свет, как и служба, скоро ему опостылел. Он устраивал в своем доме балы и праздники, но сам зевал на них, он волочился за многими столичными красавицами, но никогда не любил никого, кроме себя. Так прошло еще какое-то время, прежде чем Роман Платонович понял, что он должен завести семью и остепениться.

Граф покинул надоевший ему Петербург и отправился в М-ский уезд – здесь стояла старая усадьба его родителей, в которой сам он никогда не бывал. Он решил взять за себя милую провинциальную девушку, родить наследников и спокойно встретить приближающуюся старость. Выбор Орлова пал на генеральскую дочь Аглаю Ивановну, которая была столь же мила, сколь и неопытна.

Роман Платонович стал часто ездить с визитами к генералу, учтивым обращением расположив к себе его и Зинаиду Андреевну, и любезничать с Аглаей. Как человек светский и проницательный, граф заметил, что девушка равнодушна к сыну предводителя дворянства. А князь Михаил Озеров кроме того, что был знатен и богат, был еще и молод, а Орлов знал, какое значение это имеет для юных барышень. Тогда Роман Платонович, используя все силы своего ожесточенного ума, вовлек Николая Петровича в сомнительную аферу. Князь по простоте души в тайне от супруги вложил добрую часть состояния семьи в предприятие, затеваемое графом – стекольный завод, который вскоре потерпел убытки, не окупив даже вложенных в него средств.

Происшествие это имело неприятную огласку и, снова не без содействия графа, дошло до того, что Николая Петровича, более десяти лет занимавшего пост предводителя уездного дворянства, не избрали на следующий срок. Тогда Озеровым пришлось пережить сложные времена. Но безупречная репутация князя на службе, его добрый нрав и всегдашняя готовность помочь по старой памяти своим соседям сохранили ему прозвание самого уважаемого человека в уезде. А участие Орлова в неблагоприятных этих делах так и осталось для всех тайной – он умело вел свою игру, не пренебрегая взятками и клеветой. Зачем граф это делал – он сам не находил ответа, но точно не из пламенной привязанности к Аглае. Конечно, много проще было бы обратить свое внимание на другую барышню, которая без колебаний бы пошла за него. Но граф Орлов был упрям и не привык отступаться от своих целей. К тому же, он вечно искал способа развеять свою скуку. И когда Николай Петрович, с трудом раздав долги, остался разорен, граф, продолжая ухаживать за Аглаей, с удовольствием заметил, что она колеблется. И сегодня, полностью уверенный в успехе, Роман Платонович приехал к генералу просить руки его дочери. Он даже не мог предположить, что m-lle Горина оставила все сомнения и, забыв честолюбивые мечты, решила дать согласие на брак любимому человеку.

– О, граф, – генерал встал с кресел, – добро пожаловать.

– Иван Иванович, мне необходимо поговорить с вами и Зинаидой Андреевной, – сразу перешел к делу Роман Платонович.

– О да, конечно, – засуетился генерал, – простите, Михаил. Аглаюшка, проводи молодых людей в столовую.

Алексей и Михаил, недоумевая, вышли из гостиной вслед за не на шутку встревоженной барышней.

– Мы давно говорили о возможности моего брака с вашей дочерью, и сейчас мне нужен определенный ответ, – начал Орлов.

Генеральская дочь, не успевшая еще далеко отойти, услышав слова графа, побледнела и безвольно опустила на руки Михаила, стоявшего рядом. Алексей побежал за водой, а в гостиной тем временем продолжался разговор.

– Мы будем рады породниться с вами, Роман Платонович, не так ли? – тоном, не допускающим возражений, обратилась к мужу Зинаида Андреевна.

Она, зная, что супруг ее слишком мягок, решила сама заняться вопросом о женитьбе дочери.

– Да, Роман Платонович, мы согласны, – подтвердил генерал. Он никогда и ни в чем не перечил жене.

– Дело в том, что я потому и прошу вас о решении, что намерен жениться как можно скорее. Все приготовления я беру на себя. Если, конечно, вы не сочтете такую скорую свадьбу неудобной, – сказал Роман Платонович

– Ну что вы, голубчик, – воскликнула Зинаида Андреевна, чем скорее, тем лучше. Но, думаю, недели две на приготовления нам понадобится.

– Так и быть. Если не возражаете, я договорюсь с отцом Георгием и возьму на себя все издержки. Что касается свадебного наряда для Аглаи Ивановны, его я выпишу из Петербурга.

– Ох, разбалуете вы ее, – не скрывая радости, воскликнула Зинаида Андреевна. Сама она не намеревалась экономить на свадьбе и уже подумывала, как перещеголять князя Муранова.

– Что ж, разрешите откланяться, – сегодня же начну все приготовления, – попрощался Роман Платонович.

– Хотелось бы пообедать в вашем обществе, граф, но не смеем отнимать у вас время. Селифан! Проводи Романа Платоновича.

Учтиво поклонившись будущим родственникам, Орлов вышел из гостиной.

– Иван, – обратилась генеральша к мужу, – будь добр, вели разослать приглашения на венчание по соседям. А я пойду, обрадую Аглаюшку.

А m-ле Горина, выпив воды, пришла в чувство, но в течение всего разговора родителей с этим новоявленным женихом ей то и дело снова становилось не по себе. Увидев невдалеке от дверей гостиной побледневшую дочь и поддерживавших ее молодых людей, Зинаида Андреевна поняла, что они все слышали, но решила сделать вид, что это не так.

– Вы уже пообедали? Прекрасно. Пойдемте в гостиную, там подадут кофе.

Когда все расположились в креслах, генеральша решила немедленно объявить обо всем Аглае.

– Господа, – обратилась хозяйка дома к Алексею и Михаилу, – у нас большая радость. Граф Роман Платонович Орлов просил руки нашей дочери, и мы с Иваном Ивановичем согласились. Аглая, ты выходишь замуж.

– Но татап – робко начала Аглая, – присутствие Миши придавало ей смелости, – я хочу стать женой князя Озерова, а не Романа Платоновича.

– Зинаида Андреевна, – не дав генеральше опомниться, попытался вмешаться и Михаил, – еще до прихода графа я просил руки Аглаи Ивановны у вашего супруга.

– Но ведь не получили согласия? Аглая, нравится тебе это, или нет, ты выйдешь за Орлова, это решено! Прошу прощения, господа, – сказала генеральша и вышла из комнаты.

– Что же мне теперь делать, – в отчаянии спросила Аглая.

– Ты согласна бежать со мною в Петербург? – сразу нашелся Михаил.

– Бежать? Но как?

– Да очень просто! Нужно только хорошенько все продумать. Завтра же ночью притворись спящей, а потом незаметно выйди в гостиную. Уверен, родители не станут тебя тревожить и отправятся почивать. В три часа пополуночи потихоньку выйдешь из дома во двор, и там тебя буду ждать я, с каретой и всем необходимым для путешествия. Ты согласна? – нетерпеливо спросил Михаил.

– Да. Другого выхода нет. Конечно, родители расстроятся, но мне уже оснадцать лет, и они не вправе решать мою судьбу, даже не спросив меня. Со временем Орлов найдет себе другую невесту, татап и рара простят меня и благословят нас с тобою. Но твои родители, Миша? Что скажут они?

– Я думаю, они смогут меня понять. Папенька не откажет мне в некоторых средствах, а жить будем в нашем петербургском особняке. Только мы должны обвенчаться как можно скорее – на случай, если твоя татап и Роман Платонович окажутся столь настойчивыми, что поедут за тобой в столицу.

– А на следующий день после свадьбы я напишу родителям, чтобы они знали, что я уже обвенчана и не беспокоились. В конце концов, выдавая меня за Орлова, они понимали, что я больше не буду жить с ними.

– На свадьбу приглашу своих лицейских товарищей, – начал строить планы Михаил, – пусть Петька Градский посмотрит, какая у меня жена! И Вольдемар, Константин, Виктор... Алексей, и ты будь на нашей свадьбе.

– Непременно, – согласился поручик.

– Как здорово все складывается, – продолжал мечтать Михаил, – сколько я не уговаривал родителей перебраться в Петербург, теперь сам опережу их! А потом, сразу после свадьбы Eudoxie (как жаль, что меня на ней не будет) татап и рара к нам присоединятся. Этой весной первый бал Прасковьи.

– Прасковья Николаевна едет в Петербург! – воскликнул Алексей, – Она будет танцевать в Собрании?

– Нет, насколько я знаю, родители договорились с княгиней Раменской, тетушкой татап, что первый выход сестрицы будет у нее. Но не беспокойся ты так, Алексей, неужели я не достану тебе приглашение? Уверен, Poline свой первый котильон, да и все последующие, протанцует с тобой.

– Теперь я твой должник, Мишель.

– Пустое, Алеша, ты друг мне. Однако, засиделись мы. Мне еще нужно многое обдумать и все подготовить. До завтра, любимая. Не забудь все, что я тебе сказал.

– До свиданья, Миша. Только бы у нас все получилось, – сказала Аглая.

– Не тревожьтесь, Аглаэ, прощайте, – с этими словами Алексей, а за ним и Миша, отправились по домам, оставив Аглаю в беспокойстве и нетерпении.

V

*Семью согласную, счастливую семью,
Где души заодно, где община святая
Надежд и радостей...*

Гр. Ростопчина.

Алексей, полный самых наилучших надежд и мечтаний, связанных с возможностью танцевать с княжной Прасковьей на ее первом балу, распрощавшись с другом, поехал в свое поместье. А Михаил не спешил домой. Он неторопливо ехал верхом, размышляя о предстоящем побеге и своей дальнейшей жизни. В Петербурге он надеялся поступить в гвардию, о чем мечтал с детских лет, и счастливо зажить с молодой женой в родительском особняке, который семейство посещало нечасто.

Подъезжая к поместью, Миша заметил, что во дворе стоит заложенная карета, а из дома к ней подходят слуги с чемоданами, коробками и прочими принадлежностями путешествий.

– Что вы собираете? – спросил князь у проходящего мимо крепостного.

– Приданое Евдокии Николаевны, барин, и вещи хозяйские.

Услышав это, Михаил поспешил в дом. Он совсем забыл, что вечером они всей семьей собирались ехать к Мурановым, чтобы подготовиться к свадьбе сестры в оставшуюся до нее неделю.

«Нужно что-то придумать, чтобы остаться дома, – думал Миша. – Я не могу ехать к Павлу, его имение слишком далеко от Гориных. Да и бежать лучше всего из дома».

В прихожей Михаил встретил Прасковью.

– Скорее ступай к маменьке, она всюду ищет тебя. Через два часа мы выезжаем в поместье Павла Сергеевича, – сказала девушка и поспешила в свои покои собирать вещи. Михаил нашел родителей в кабинете отца, проверяющими список приданого Евдокии.

Князь Николай Петрович Озеров, родитель его, был родом из малороссийских дворян. В молодости он служил в гвардии и воевал в свое время с французами. По окончании войны

молодой князь решил пойти по статской службе. Прожив несколько лет в столице, он получил назначение и переехал в М-ский уезд, где родилась и выросла его супруга, и купил там имение. С течением времени Николай Петрович дослужился до надворного советника и был избран в уездные предводители. А совсем недавно, за месяц до описываемых событий, князь лишился этого высокого положения путем интриг графа Орлова. Но, несмотря на это, жители М-ска также уважали его и нередко говорили, что в те годы в уезде все было в наилучшем состоянии и благополучии.

Супруга Николая Петровича, Варвара Александровна, детство и раннюю юность провела в М-ском уезде. Как и все русские барышни, в свое время она приехала в Петербург, где жила ее тетушка княгиня Раменская, и та вывела ее в свет.

Варвара Александровна была очень музыкальна, превосходно пела и играла на фортепьянах. Одно время был довольно известен ее музыкальный салон, где по вечерам собирались любители искусства. Однажды туда зашел князь Озеров, в то время гвардейский прапорщик. Он был очарован молодой хозяйкою салона, она также его полюбила, и вскоре они сыграли свадьбу. Войну и несколько лет после нее Варвара Александровна провела в Петербурге, сначала ожидая супруга, затем вместе с ним, служащим в министерстве. Через некоторое время Николай Петрович был откомандирован в М-ск, и молодое семейство уехало в деревню.

– Миша! Наконец-то! Где ты пропадал? – воскликнула Варвара Александровна, увидев сына.

– Ездил к Ивану Ивановичу.

– Не хитри, сынок, – улынулся Николай Петрович, – ты ездил вовсе не к Ивану Ивановичу, а к Аглае Ивановне.

– Вы правы, отец. Как раз о ней я и хотел с вами поговорить. Маменька, папа, я прошу у вас позволения жениться на Аглае Ивановне Гориной.

– Сказать по правде, я этого ожидал, – задумчиво проговорил Николай Петрович. – Ну что ж, генерал – мой давний приятель, его дочь ты знаешь с детства, думаю, нет причин не соглашаться на ваш брак, не так ли, Варвара?

– Я тоже не намерена препятствовать Мишиному счастью, но до меня дошли слухи, что граф Орлов собирается свататься к Аглае Ивановне.

– Это не имеет значения, тамапа. Мое намерение твердо, и мне необходимо только ваше благословение.

– Если так, мы согласны, конечно. Но у тебя чересчур встревоженный вид. Не иначе, что-то задумал. – заметила Варвара Александровна. – Миша, прошу тебя, не спеши. Давай выдадим Евдокию замуж, а потом займемся твоим сватовством.

– Я не тороплю вас. Прошу только позволить мне не ехать сегодня к Мурановым. Я только что принял решение, мне необходимо все обдумать и побыть одному.

– Миша, мы приглашены князем всей семьей, это будет невежливо с твоей стороны.

– Прошу вас, тамапа. Пойдите мне навстречу.

– Раз это так важно для тебя, сынок, не вижу причин препятствовать тебе. Варвара, пусть останется дома. Заскучает – приедет. Понимаю, тебя смущает расстояние, что будет отделять тебя от Аглаи Ивановны в поместье Мурановых.

– Вы как всегда понимаете меня, отец. Благодарю вас. Благословите.

Николай Петрович перекрестил сына, и тот поспешил выйти из комнаты.

– Николя, тебе не показалось, что с ним что-то не так? – продолжала беспокоиться Варвара Александровна.

– Он вырос, та сhere. Вспомни себя в его годы и будь снисходительнее.

* * *

А в это время в доме Мурановых готовились к приезду гостей. Всем заправляла Вера Федоровна Загрязская – тетушка князя, маленькая хлопотливая старушка, в прошлом – одна

из звезд двора Павла I. Евдокия вернулась из оранжереи и уже заканчивала расставлять цветы в комнате, приготовленной для Прасковьи, а Павел не мог оторвать глаз от своей будущей жены. Он стоял и любовался ею.

– Павел, ты здесь, – девушка подошла к жениху.

– Все полностью готово к приему гостей, – сказал молодой человек и обнял Евдокию – Забыл тебе сказать, давеча пришло письмо от Сони. Если с дорогой все будет хорошо, завтра она приедет и пробудет в поместье до нашей свадьбы.

– Как славно, что твоя сестра будет на венчании.

– Да, мне удалось отпросить ее из института на неделю, – сказал Павел.

Евдокия подошла к окну и, радостно сказав: «А вот и они. Пойдем скорее вниз!», взяла жениха за руку, и они поспешили в гостиную. Здесь уже толпились слуги и стоял управляющий, а в креслах важно сидела старушка Загряжская.

Накинув шаль, княжна вышла во двор. Ее мать уже поднималась на крыльцо, а отец помогал сестре выйти из кареты.

Евдокия, которая была очень привязана к родителям, обнимала Николая Петровича и Варвару Александровну, а князь Муранов, вышедший на крыльцо вслед за невестой, приветствовал ее сестру.

– Как вы доехали? А где же Михаил Николаевич? – спросил Павел старшего князя Озерова.

– Благодарю, Павел Сергеевич, доехали без всяких затруднений, – ответил Николай Петрович, – а Мишель просил его извинить – обстоятельства задержали его дома.

– Жаль. Я надеялся, что он и вы составите мне компанию завтра на охоте. Впрочем, уверен, у нас впереди еще много таких дней. Пойдемте скорее в дом. А то, право, так холодно, – сказал молодой князь, и все поспешили последовать за ним.

Через некоторое время вещи были унесены наверх, в гостевые спальни, а князь Муранов, Вера Федоровна и семейство Озеровых расположились в креслах просторной гостиной. Старушка раскладывала гранпасьянс за небольшим столиком и мало обращала внимания на племянника, его невесту и гостей.

Вскоре подали чай, после которого Павел еще долго обсуждал все подробности предстоящего торжества с невестой и ее родителями. Наконец, решено было, что завтра Николай Петрович с князем Мурановым едут охотиться, в то время как Варвара Александровна с дочерьми напишут и разошлют приглашения. На следующий день Павел, Евдокия и ее родители поедут в церковь, чтобы договориться об украшении, певчих, венцах и прочем, а накануне свадьбы жених и невеста пойдут к бабушке, чтобы причаститься.

VI

Как жизнь поэта простодушна,

Как поцелуй любви мила.

Пушкин

На следующее утро в поместье Мурановых все поднялись рано. Павел и Николай Петрович собирались на охоту. В доме остались одни женщины, которые занялись, под руководством Веры Федоровны, считавшей себя полновластной хозяйкой дома, обсуждением праздничного обеда, приглашениями и прочими приготовлениями к приближающейся свадьбе.

После обеда, сидя у окна своей комнаты с книгой, Евдокия заметила подъезжавшую к дому карету. Вскоре из нее вышла молодая девушка – это была сестра Павла.

Софья Сергеевна Муранова, шестнадцати лет отроду, воспитывалась в Смольном институте благородных девиц в Петербурге. Она совсем не знала родителей – отец погиб во время освободительного похода русской армии в 1814 году, а мать умерла родами – и после их смерти осталась вместе с братом на попечении тетушки. Вера Федоровна долгое время жила с племянниками в Петербурге, где Павел служил в гвардии, а Софья училась в Смольном, но около года

назад Загряжской захотелось в деревню, и она отправилась в М-ск вместе с князем, вышедшим в отставку штабс-капитаном. Девушка же осталась в институте, где в этом году заканчивала курс. Софья была еще ребенком, не видевшим ничего, кроме родительского дома и институтских стен. Она глубоко любила брата, как единственное родное существо, которое у нее осталось.

Евдокия спустилась в переднюю. Она впервые видела сестру будущего мужа и вышла поприветствовать ее. Вера Федоровна, Варвара Александровна и Прасковья отправились на небольшую прогулку по окрестностям и еще не возвращались.

– Здравствуйте, Софья Сергеевна, – доброжелательно обратилась к вошедшей княжна, – как вы доехали?

– Вы невеста Павла Евдокия Озерова? Как же я рада вас видеть! Знаете, по письмам брата я вас себе представляла именно такой. А где же он сам? – спросила девушка, присаживаясь в кресла.

– Павел отправился поохотиться. Вчера вечером приехали мои родители и сестра, и ваш брат пригласил моего отца на охоту. А Вера Федоровна показывает моей маменьке и сестре зимний сад и парк. Скоро пять, Павел и мой отец, Николай Петрович, обещали вернуться к этому часу. А как ваши дела, Софья Сергеевна?

– Соня, если не возражаете.

– Додо.

– Я приехала всего на неделю. Вскоре после вашей свадьбы я возвращаюсь в Петербург.

– Ваш брат обещал мне, что в субботу мы также едем в столицу и пробудем там до лета.

Вы сможете поехать вместе с нами.

– Это было бы прекрасно. Одной в дороге очень скучно.

– А как ваши успехи в институте?

– Я стараюсь успевать по всем дисциплинам, но более всего меня занимают естественные науки.

Тут в дом вошла княжна Прасковья, ее глаза блестели, а щеки покраснелись на морозе: зимняя прогулка явно пришлась по душе девушке. За ней, беседуя, зашли Вера Федоровна и княгиня Озерова. Старушка расцеловала племянницу, Евдокия представила Софье мать и сестру, после чего все удалились в гостиную, чтобы согреться и выпить чаю.

VII

...сильное и благое потрясение

Пушкин

Аглая Ивановна с утра была дома одна. Иван Иванович поехал по делам в уездный город, Зинаида Андреевна отправилась с визитами по соседям, и m-lle Горина могла спокойно собираться, без опасения, что ее застанут за этим занятием.

Завязав в небольшой узелок самые необходимые вещи, Аглая спрятала его в гостиной и стала с нетерпением ждать ночи. Вечером приехали генерал с супругою. Иван Иванович, выпив чаю, отправился почивать: он имел привычку ложиться рано. Зинаида Андреевна вскоре последовала за ним, не предав особого значения тому, что дочь осталась в гостиной. Так как было всего десять часов пополудни, Аглая, чтобы занять себя и не уснуть, сперва начала вышивать, затем читать, и, как только огромные часы еще прошлого столетия пробили три, положила на стол письмо родителям. Оно было следующего содержания:

«Мама, отец, я уезжаю, чтобы выйти замуж по любви. Вы не оставили мне иного пути, настаивая на женитьбе с Орловым. Простите меня, если сможете, и не тревожьтесь: я напишу, дочь ваша, Аглая Горина».

Оставив письмо на видном месте, девушка оделась и, захватив свой узелок, вышла во двор.

Небо было по-зимнему темным, ни одна звезда на нем не сияла, только луна освещала дорогу и ехавшую по ней коляску. Сонный кучер осоловело погонял тройку лошадей, неспешно приближающих ее к поместью Гориных. Наконец, коляска остановилась. От темной громады дома отделилась небольшая тень девушки с узелком в руках. Она торопливо спустилась с крыльца и приблизилась к подъехавшему экипажу. Молодой человек, сидевший внутри, распахнул дверцу и помог девушке усесться. Коляска отъехала.

Дом по-прежнему был погружен в сон. Не единого звука, ни малейшего шороха не послышалось в ночной тишине и не нарушило его спокойствия. А между тем, Михаил и Аглая были на пути в Петербург...

* * *

Когда Аглая проснулась, она увидела, что солнце уже высоко поднялось, и его лучи проникают в небольшое оконце кареты, за которым простирается снежная степь без конца и края. Подле девушки дремал Михаил, опустив взъерошенную голову на грудь. Он держал небольшой дорожный сундучок, а в ногах предусмотрительного молодого человека стояла корзинка с провизией. Оглянувшись назад, Аглая увидела надежно привязанную и укрепленную гитару – неизменную спутницу Михаила во всех его предприятиях. Похоже, князь основательно подготовился к путешествию.

Вчерашний озорник, рвавшийся в гвардию и приводивший в отчаяние родителей своим непокорным нравом, теперь совершил первый свой поступок. Он начинал осознавать, что пора взрослеть, и самостоятельная жизнь привлекала его: для Миши она заключалась в пленительном образе Аглаи Ивановны.

М-ше Горина, не тревожа жениха, любовалась видом из окна. Вдали синел лес. Снег потемнел и кое-где начинал подтаивать. В прозрачном воздухе уже носилось предчувствие весны.

Задумавшись, Аглая вдруг поняла, что коляска уносит ее все дальше и дальше от родного дома. В молодой девушке не было той горячей привязанности к родителям, какая присутствовала в характере княжны Евдокии, но она привыкла каждый день проводить в обществе тамап и рара, когда слушаться родительских советов, когда перечить им. Даже будучи довольно решительной барышней, Аглая все же немного пугалась новой жизни в большом незнакомом городе, где у нее не было ни родных, ни знакомых. Был лишь Михаил, которого девушка любила всей душой, забыв о недавних сомнениях. И сейчас, прислонившись к плечу жениха, Аглая почувствовала спокойную уверенность, а в ее мыслях появилось какое-то неясное предчувствие счастья.

А Михаил и сейчас был счастлив. Для него уже началась та самая самостоятельная жизнь, о которой он так мечтал, рядом было обожаемое существо, и будущее представлялось князю в самых радостных тонах. Единственное, что тревожило его, была мысль о родителях – он так же, как и невеста, оставил своим тамап и рара письмо с объяснениями. В понимании отца он был уверен, но о том, как примет такое решение матушка, приходилось беспокоиться. Он предусмотрительно оповестил родителей о том, что до венчания пригласил пожить в их доме кузину матери, баронессу Инберг. Ее покровительству он намеревался вверить Аглаю, чтобы избежать ненужных пересудов.

Молодой человек, пробужденный ярким солнечным светом, открыл глаза и потянулся, едва не уронив свой сундучок, в котором кроме самых необходимых вещей лежала заветная табакерка – подарок отца – и любимые Мишины ноты.

– О, ты проснулся! – обрадовалась Аглая, – который час?

– Скоро полдень. Мы в пути уже больше восьми часов.

– А я смотрю в окно, а пейзаж все не меняется. Мы на правильном пути?

– Конечно, на правильном. Просто почти весь наш путь лежит через степи с небольшими пролесками. Эй, Трифон, – крикнул Михаил кучеру, выглянув из окна, – когда мы подъедем к станции?

– Уж недалече, барин, будьте покойны.

– Трифон прекрасно знает дорогу в Петербург. Он часто отвозит отца в столицу.

– Когда же мы прибудем?

– Завтра вечером мы вступим на невские берега. Ты увидишь Зимний дворец и памятник Петру Великому...

– Как же давно я хотела попасть в Петербург, – мечтательно произнесла Аглая.

– Я сам помню его совсем маленьким – в то время, когда поступал в Лицей. Перед тем, как расстаться со мной на несколько лет, папан и рара решили пожить неделю в Петербурге. Мы каждый день гуляли и встречались с нашими столичными родственниками. Я, тогда еще мальчишка, был так впечатлен видом большого города. А потом я приехал в Царское Село...

– Ты столько мне уже говорил о лицейской жизни, – остановила Мишу Аглая, – князь действительно постоянно рассказывал ей о товарищах и жизни в Лицее. – А вот и станция!

И вправду, небольшой домик смотрителя показался невдалеке. Вскоре коляска подъехала, и Михаил и Аглая, поднявшись на ветхое крылечко, вошли внутрь.

Они оказались в средних размеров комнате, где за столом сидел и пил чай, увлеченно что-то рассказывая смотрителю, молодой человек.

VIII

Свободный, в цвете лучших лет,

Среди блистательных побед,

Среди вседневных наслаждений...

Пушкин

Он был одет в штатское, со вкусом и слегка щеголевато. Его темные глаза светились приущим молодости блеском, и порой в них мелькали озорные огоньки. Молодой путешественник был немного постарше Михаила.

– Виктор! – воскликнул Миша, узнав друга.

– Мишель! Какими судьбами?!

Товарищи обнялись и начали наперебой расспрашивать все друг о друге.

Виктор Вревский несколько лет назад окончил Царскосельский Лицей с серебряной медалью и получил чин титулярного советника при выходе из оногo. Уроженец Петербурга, он поступил в Министерство внутренних дел и начал службу с большими успехами. Будучи сыном довольно состоятельных родителей, Виктор мог позволить себе и светские развлечения. Одним словом, молодой человек жил в свое удовольствие и, между тем, к своим годам имел приличный чин. Сейчас он возвращался в Петербург из Н*** уезда, куда ездил по казенной надобности.

Остановив взволнованный рассказ друга, Михаил представил ему Аглаю.

– Весьма рад знакомству. Поздравляю вас с предстоящей свадьбой.

– Кстати! Ты ведь будешь в Петербурге. Непременно приходи на нашу свадьбу. Не принимаю никаких отговорок. Знаю, ты человек светский, но для старого друга, думаю, найдешь денек? – спросил Михаил.

– Вне всякого сомнения, дорогой Мишель. А какие у тебя планы насчет службы?

– Отец часто рассказывал мне о своем друге Ветровском, который служит вице-директором департамента в министерстве внутренних дел. Говорил, тот знал меня совсем маленьким. Попробую напомнить ему о себе – вдруг повезет.

– Статский советник Ветровский, Егор Ильич?! Да ведь я состою при нем секретарем.

Выходит, дружище, мы еще и послужим вместе. Это же замечательно, Миша!

– Право, я и не предполагал, что мы встретимся. Все так неожиданно. Кстати, может быть, ты согласишься передать Егору Ильичу письмо, в котором я прошу его принять меня?

– Конечно, – согласился Виктор, принимая конверт.

– Ты живешь на Малой Морской, если не ошибаюсь?

– Да, неподалеку от Министерства.

– А мы будем жить в доме моих родителей на Миллионной. Это недалеко от места нашей службы?

– Думаю, за четверть часа ты доберешься.

– Виктор, а ты, кажется, знаешь Петербург как свои пять пальцев?

– Уверяю тебя, mon cher, в скором времени и ты узнаешь его также. А как поживают твои родители, сестры?

– Наверное, более всех тебя интересуется моя старшая сестра. Помню, как ты был очарован ей, когда они с родителями навещали меня в Лицее. Что ж, должен тебя разочаровать: через неделю Евдокия выходит замуж за Павла Сергеевича Муранова.

– Князь Муранов, отставной штабс-капитан с миллионом чистого дохода?

– Надеюсь, ты не думаешь, что богатство жениха – причина этого брака? Сестра искренне любит Павла, как и он ее.

– Конечно же, нет, мне известна по твоим же рассказам чистота души Евдокии Николаевны. Что скрывать, в Лицее я был сильно увлечен m-lle Додо. Любопытно было бы взглянуть теперь на княгиню Муранову.

– Они с мужем вскоре также собирались в Петербург. Но, надеюсь, твоя мальчишеская влюбленность прошла?

– Конечно же прошла, Михаил, это ведь было так давно.

На самом деле Виктор кое-что задумал. Михаил знал своего старшего лицейского товарища как порывистого и порой безрассудного, но честного человека. Однако свет, в который он бросился со всей безоглядностью, сильно переменял его нрав. Виктор был уже не тем наивным юношей, в светлых мечтаньях видевшим сестру своего товарища, а расчетливым покорителем женских сердец. Привыкнув к легкости, с которой ему давались победы, Вревский намеревался без труда соблазнить Евдокию Николаевну. А то, что когда-то, будучи мальчишкой, он был влюблен в нее, придавало затее молодого человека еще больший интерес. Скрыв от Михаила свои намерения, Виктор начал собираться продолжить путь.

– Ты уже выезжаешь?

– Да, пора ехать. Мне нужно завтра же быть в столице.

– Мы тоже рассчитывали приехать к завтрашнему вечеру. Может быть, поедем вместе? Аглая, ты отдохнула? – заботливо спросил невесту Михаил.

– Да, вполне.

– В таком случае, мы можем продолжить дорогу в Петербург. Я, если не возражаете, поеду впереди. Мой кучер хорошо знает путь – он уже не один раз сопровождал меня в эти места, когда приходилось ездить по поручениям, – предложил Виктор.

– Едемте, – согласился Михаил.

Сменив лошадей, путешественники расположились по своим каретам и тронулись в путь.

Когда уже стемнело, две коляски остановились у следующей станции. Михаил, расположившись, сразу же написал и отправил в Петербург письмо к своим родственникам баронессе и барону Инберг с сообщением о предстоящей свадьбе и просьбой погостить в особняке Озеровых.

Поужинав весьма скромно тем, что было на станции, путешественники устроились на ночлег. Аглае смотритель уступил диван, а молодые люди расположились в креслах. На станции никого из проезжающих в ту ночь больше не было, так что путники провели ее спокойно.

*Я вижу град Петров
Чудесный, величавый...
Кн. Вяземский*

С утра они выехали и к вечеру благополучно добрались до Петербурга. Аглая, впервые увидевшая столицу, в восторге не отрывала глаз от окна. Михаил, также почти не знавший Петербурга, припал к другому окну. Гранитные берега Невы, скованной льдом, роскошные особняки столичной знати, свидетельница грозных событий, Сенатская площадь с колоссальным всадником, шпиль Адмиралтейства и оживленный бульвар перед ним и, наконец, резиденция императорской семьи, Зимний дворец, – все это предстало восторженному взору молодых провинциалов.

А в карете, ехавшей впереди, Виктор Вревский со скучающим видом выглянул в окно и тут же отвернулся – настолько он был пресыщен всем, даже красотами Петербурга. Вскоре на одной из улиц молодые люди распрощались, договорившись о завтрашней встрече, и кареты разъехались.

Уже наступил светлый петербургский вечер, когда Михаил и Аглая подъехали к особняку Озеровых. Это был довольно большой дом в три этажа, выстроенный в екатерининском вкусе еще при отце Николая Петровича, Петре Ивановиче Озерове. Не так давно князю пришлось заложить особняк, чтобы справиться с долгами, но ему удалось уложиться в сроки, и фамильный дом остался принадлежностью семьи.

У главного входа уже стоял, встречая хозяина с невестой, управляющий, постоянно живший в особняке из-за редких приездов князей Озеровых в столицу. Поприветствовав Михаила и Аглаю, он понес их вещи в комнаты, а молодой человек, взяв невесту за руку, вошел в свой дом. Князь почувствовал и волнение, и радость – он открывал не только дверь, но и новую страницу в своей жизни, которая отныне будет связана и с этим домом, и с Петербургом, и с Аглаей, чью руку молодой человек держал в своей.

В гостиной Михаила и его невесту уже встречали родственники: баронесса Елена Юрьевна Инберг, вдова, тетюшка Миши и молодой человек, ее сын – барон Денис Семенович, недавно вышедший корнетом в лейб-гвардии гусарский полк.

– Мишель! Как же я рад! – воскликнул Денис, обнимая брата. – Очень приятно видеть вас, Аглая Ивановна.

Елена Юрьевна, встав с кресел, также поприветствовала племянника и его невесту, и все отправились в столовую. Во время ужина Миша рассказывал родственникам и о своих планах, и о делах поместья, и о том, как поживают родители и сестры. Неудивительно, что барону и баронессе Инберг пришлось так много выслушать – они в последний раз навещали Озеровых в их имени Тихие ручьи около года назад. Услышав о том, что брак Михаила будет против воли родителей невесты, Елена Юрьевна неодобрительно покачала головой, а Денис незаметно подмигнул кузену – решительность Миши была явно по душе молодому человеку.

Свадьбу решили отпраздновать скромно, устроив небольшой прием. Михаил и Аглая, подумав и посоветовавшись с баронессой, назначили венчание на третий день марта, то есть через десять дней. «К тому времени и мы будем готовы, и Евдокия выйдет замуж, так что и родители, и сестры смогут быть в этот день на нашей свадьбе», – радостно заключил Миша. Он все воспринимал еще совсем по-детски, считая: что бы он ни задумал, все непременно так и случится.

Сразу после ужина Михаил и Аглая с помощью барона начали писать и рассылать приглашения на свадьбу.

– Мне бы очень хотелось видеть Эжена на нашем венчании, но писать домой я пока не могу, вдруг папа решит расстроить свадьбу, – грустно сказала Аглая.

– Нет причин для уныния, – как всегда нашел выход Михаил, – я как раз заканчиваю письмо Алексису. Он хороший друг твоего кузена, и я попрошу его сообщить Евгению о свадьбе.

Аглая задумалась.

– Миша, сейчас, когда мы скоро поженимся, я должна тебе кое-что рассказать, ведь у будущих супругов не должно быть тайн друг от друга, – начала она.

– Я вас оставлю, – поднялся с кресел Денис.

Х

*А был он сподвижник
Великого дела,
Божественной искрой
В нем грудь пламенела.
кн. Вяземский*

«На самом деле Евгений – не племянник моего отца. У рара действительно был старший брат Василий, но он умер, не оставив потомства. Молодого человека, которого ты знаешь под именем моего кузена Евгения Горина, несколько лет назад разыскивала тайная полиция как декабриста Евгения Рунского...»

Дав Михаилу выразить свое удивление, Аглая продолжила:

«Когда-то мой отец был очень дружен со своим сослуживцем и полковым товарищем Василием Дмитриевичем Рунским. Они были неразлучны, и во время войны с французами рара даже избежал гибели благодаря своему другу. С тех пор он считал себя обязанным жизнью Василию Дмитриевичу. Несколько лет назад мне стало известно, что сын Рунского, Евгений, состоит в Северном тайном обществе; в то время они жили в Петербурге. Никто, кроме отца Евгения и нашей семьи не знал об этом. Василий Дмитриевич, как человек весьма законопослушный, как мог препятствовал общению сына с декабристами и, в конце концов, решил уехать вместе с ним в Н-скую губернию, где имел поместье. Евгений, как человек благородный, не мог бросить больного отца (здоровье Василия Дмитриевича в то время сильно ухудшилось) и последовал за ним. Таким образом, он не участвовал в восстании на Сенатской площади, произошедшем вскоре после отъезда Рунских из столицы.

А Василий Дмитриевич был совсем плох: сказались старые раны, да и переживания за сына не лучшим образом повлияли на его здоровье. Узнав, что его лучший друг при смерти, мой отец тотчас же поехал к нему. Он застал Василия Дмитриевича на смертном одре. Умирая, Рунский просил рара позаботиться о Евгении, оставшемся сиротой. Отец, обязанный другу жизнью, обещал взять его сына в свой дом и сделаться его опекуном. Евгений поклялся отцу относиться к Ивану Ивановичу, как к родному дяде, ведь мой отец и Василий Дмитриевич еще на войне обменялись оружием и стали названными братьями.

Генерал умер спокойным за будущее своего сына. А в то время начались аресты декабристов. В списках участников Северного тайного общества значился и Евгений Рунский. Тогда рара (не представляю, как это ему удалось) выправил ему документы, в которых значилось: Евгений Васильевич Горин. Вскоре поиски прекратились: пропавшего декабриста сочли умершим или сбежавшим за границу.

С тех пор он живет у нас, под видом племянника-сироты и, слава Богу, никто не знает об этом. Хотя, есть один человек, который может узнать Евгения и выдать его. Но если мой названный кузен, к которому я за эти годы очень привязалась, не будет появляться в большом обществе, а продолжит жить в провинции, думаю, все обойдется».

– Кто же это? Кто может узнать Рунского? Ведь все его товарищи сосланы, – спросил Михаил.

«Это давняя история. Когда-то Евгений был обручен с одной девицей, Елизаветой Кругловой, бесприданницей. Она мне с первой встречи не понравилась – сразу были видны ее

корыстные намерения. Но Эжен, влюбленный, совсем этого не замечал. Когда он вступил в общество декабристов, его невеста, не обладавшая ни смелостью, ни благородством души, узнав об этом, поставила Евгению ультиматум – или тайное общество, или она. И тогда, наконец, он понял, что Елизавета не любила его, а лишь надеялась на выгодный брак, и расторгнул помолвку. Она затаила обиду, и, кто знает, может быть, не забыла о ней и сейчас. Мне неизвестна ее дальнейшая судьба, но я рада, что брак Евгения с этой особой не состоялся. Будем надеяться, они больше не встретятся», – закончила Аглая.

– Печальная история. Но это же невероятно: Евгений – декабрист, – проговорил Михаил

– Ему, наверно, очень тяжело приходилось первое время после восстания?

– Да, после смерти Василия Дмитриевича Евгению было особенно трудно – он очень страдал еще и потому, что его товарищи переносят наказание, а он, как последний трус, отсиживается в провинции. Да и несчастная любовь... Я беспокоюсь за него. Миша, а его приезд в столицу не будет опасен? – взволнованно спросила Аглая.

– Мы лишь передадим приглашение, а ехать или не ехать – это может решить только сам Евгений.

ХІ

С каким тяжелым умиленьем

Я наслаждаюсь дуновеньем

В лицо мне веющей весны

На лоне сельской тишины!

Пушкин

Прошло несколько дней с того, когда Михаил и Аглая благополучно прибыли в Петербург. Князь и княгиня Озеровы получили письмо сына. Варвара Александровна, предчувствия которой подтвердились, негодовала и упрекала Николая Петровича в том, что тот был так беспечен и оставил сына без присмотра. Теперь они не знали, как вести себя с Гориными, и опасались скандала прямо перед свадьбой старшей дочери. Потому князь Озеров вместе с женой и Прасковьей решили сразу после венчания Евдокии выехать в Петербург, чтобы во всем разобраться.

Весна наступала. Жизнь в деревне хороша тем, что здесь, среди полей, лесов и рек, сразу ощущаешь метаморфозы в природе. Но во владениях Мурановых, на первый взгляд, ничего не изменилось. Роца была одета снегом, а небольшая речка, мимо которой неделю назад проезжала коляска Павла и Евдокии, так же скована льдом. Но в воздухе носилось что-то неуловимое, что почувствовал князь Муранов, выйдя на рассвете прогуляться по своему обыкновению.

Сегодня был день его свадьбы, и молодой человек, постояв немного на крыльце и посмотрев, как восходит солнце, задумался и вошел в липовые аллеи. Он с детства любил гулять там и размышлять в одиночестве. Думая о предстоящем венчании и своей невесте, Павел, постепенно углубляясь в аллею, предался размышлениям.

«Как же мне было досадно, как я скучал в первые дни моего приезда в деревню! Как сопротивлялся желанию тетушки женить меня! Уездные барышни – мне не хотелось даже слышать о них. Я затворником сидел в своем кабинете, наотрез отказываясь ездить с визитами или принимать кого-либо – надеялся, что, видя мою непреклонность, тетушка позволит мне вернуться в Петербург.

Но однажды, поздней весной, сидя у окна и страшно скучая, я увидел невдалеке открытую коляску, приближающуюся к нашему дому. В ней сидели мужчина средних лет и молодая девушка, лицо которой было исполнено невыразимой прелести. Я, не отрывая глаз, смотрел на нее. Но тут вошла тетушка, и я вынужден был спуститься на землю.

– Павлуша, – сказала она, – приехал с визитом предводитель уездного дворянства, князь Озеров, Николай Петрович. Ему отказать – никак нельзя. Будь добр, выйди в гостиную.

– Кто эта девушка, что едет с ним? – не смог я удержаться от вопроса.

– Его старшая дочь, княжна Евдокия Николаевна.

– Княжна! – я не скрывал восторга, узнав, что она не замужем. – Я мигом оденусь, ma tante.

Тетушка, улыбнувшись, оставила меня. Одеваясь, я волновался, как мальчишка, и, что самое удивительное, не презирал себя за это. Сердце мое бешено колотилось, когда я спускался в гостиную.

В креслах, напротив тетушки, я увидел мужчину приятной наружности с добрыми глазами. Он что-то рассказывал о делах уезда, но я ничего не слушал – мой взор устремился к той, которая так взволновала его несколькими минутами раньше. Додо, как я теперь имею счастье называть ее, сидела в креслах подле своего отца. На ней было простое утреннее платье, никаких украшений, и небольшой букетик полевых цветов в руках. Длинные каштановые локоны ниспадали на плечи, румянец юности играл на милом детском лице. Глаза, сулившие, казалось, столько счастья – такие же приветливые, как у ее отца. Кроме того, на всем облике прелестного существа лежал отпечаток какой-то поэтической задумчивости.

Наконец, опомнившись, я пошел представляться. Как сейчас помню, тогда я держал ее руку в своей чуть дольше, чем положено и, прильнув к ней губами, не сразу отпустил, что не укрылось от глаз ma tante и предводителя дворянства, которые многозначительно переглянулись. Тогда мне на мгновение стало не по себе – в этом безмолвном сговоре мне увиделось желание стеснить мою свободу, навязать мне брак. Но я так увлекся ею, что согласен был покориться. Мы стали видаться и в доме ее родителей, и у меня – положение ее отца и мое знакомство с младшим князем Озеровым стали поводом для визитов.

Вскоре я узнал, что это совершенно наивное и чистое существо, знающее жизнь по одному уезду да стихам и повестям новейших сочинителей. Речи ее были временами немного смешны – например, она бралась судить о свете, представления о котором совсем не имела, и со всею горячностью зарекалась никогда не «предаться пустой суете, которая портит душу». Я согласно кивал, умиляясь ей, как ребенку. Однако, теперь, после свадьбы, когда я буду счастлив вполне обладать ею, мне предстоит серьезный разговор. Как бы осторожно, чтобы не потерять доверия, ввести ее в общество? Познакомить с несколькими сочинителями, представить ко двору? Потому что сидеть затворником в поместье я не намерен – смысл нашего пребывания здесь после свадьбы сойдет на нет. Разлука с родителями – это тоже будет для нее непросто. Что же я думаю о таких прозаических вещах в день свадьбы? Она прежде всего – женщина, которая, к тому же, склонна привязываться. Совсем скоро я стану для нее всем, и она будет рада исполнять мою волю. Конечно, я не стану резко менять привычный уклад ее жизни, но и своих намерений далеко откладывать не буду. Она еще дитя, а я буду тем, кто сделает ее княгиней, хозяйкой состояния, дамой, общества которой будут искать многие. Уверен, она будет счастлива составить мне блестящее положение в свете. Но здесь мне стоит набраться терпения».

Услышав негромкий звук, князь вынул из кармана брегет, подарок невесты, и быстрыми шагами направился к выходу из усадебного парка.

В это время все Озеровы уже поднялись, и началась подготовка невесты к венчанию.

В доме царило необыкновенное волнение: девушки занимались свадебным убором Евдокии, мужики приводили в порядок и украшали карету, приготовленную для молодых. В кухне носилась смесь разнообразных запахов – уже готовили праздничный обед.

Варвара Александровна, получившая пачку писем с поздравлениями, читала их вслух дочери, которой выписанный из губернии цирюльник сооружал свадебную прическу.

Прасковья Николаевна, не лишенная тщеславия, примеряла перед зеркалом платья, выбирая наиболее подходящее для торжества. Евдокия, чье детство прошло в скромности, когда Николай Петрович был в небольших чинах, была непривередлива. Она никогда не просила ни дорогих платьев, ни украшений, ни безделушек. Единственной потребностью девушки были книги. Она с детства очень любила чтение. Семейная библиотека Озеровых, годами собирае-

мая предками Додо, была богата и велика. И пополнять ее время от времени было любимым занятием девушки.

Любовь к дому, семье, литературе и природе составляла, до недавнего времени, жизнь и счастье княжны. Но пришло время, и другая любовь дала о себе знать, наполнив все ее существо новым и сладостным чувством. Это произошло около года назад.

Павел Муранов не произвел никакого переворота в молодой душе Евдокии, не послужил поводом потрясения. Она полюбила его со всей беззаветностью юного, неискушенного существа, а его внимание было первой данью ее пробудившемуся сознанию собственной красоты и женственности. Павел был едва ли не первым мужчиной, на кого она могла обратить свои чувства: Алексей Мирский, ухаживающий за Прасковьей, и Евгений Рунский, друг Евдокии, были единственными молодыми людьми в ближайшем соседстве. К тому же, Павел был очень хорош собою, воспитан, учтив, галантен... что еще нужно, чтобы вскружить осьмнадцатилетнюю головку?

Сам же князь Муранов, не один год живший в свете, сознавал преимущества невинной уездной барышни перед всеми теми, кто пытался пленить его прежде. Такая женитьба могла не беспокоить его в части больших расходов, причуд и, в первую очередь, собственной чести. Конечно, он не мог не полюбить Евдокии, но была ли это подлинная любовь, не оставлявшая места никакому другому чувству, никакому, пусть даже невольному, расчету?.. Невеста полагала, что да.

ХII

У церкви стояла карета,

Там пышная свадьба была...

Русский романс

Наконец, все были готовы ехать, и две кареты, одна за другою, выехали со двора и направились к церкви. В уезде она была, как водится, одна. Небольшое, но новое и вполне благоустроенное каменное здание было возведено в годы предводительства Николая Петровича Озерова на месте прежнего, ветхого деревянного строения. Радевший о благе уезда, князь многое сделал для его процветания. Так и Дворянское собрание, мимо которого сейчас проезжали кареты, в М-ске открыли около двух лет назад.

Не прошло и получаса, как впереди показались купола, и вскоре обе кареты остановились у церковных ворот. Первой выпорхнула княжна Прасковья – девушка бойкая, она не любила долго сидеть на одном месте и принялась прохаживаться около церкви, чтобы размяться после дороги. Следом важно вышла старушка Загряжская, по случаю свадьбы племянника надевшая один из самых немислимых своих чепцов с большими шелковыми лентами, и сразу вошла в церковь. Княжна Софья последовала за тетушкой. Наконец, вышла Варвара Александровна, и позвав за собой дочь, направилась к дверям. Последним в церковь вошел жених. А Николай Петрович с дочерью зашли с бокового входа и оказались в небольшой комнате, откуда невеста должна была выйти под руку с отцом.

Гости уже начали собираться. На свадьбу самого богатого помещика с дочерью самого уважаемого съехалось множество соседей, среди которых были и товарищи жениха, и сослуживцы Николая Петровича, и подружки Евдокии и Прасковьи, и просто хорошие знакомые обоих семейств. Не было здесь только генерала Горина и его супруги – Зинаида Андреевна, возмущенная поступком Михаила, не пожелала ехать на свадьбу его сестры и решила вообще прекратить все отношения с семейством Озеровых. Иван Иванович, несмотря на неизменное доброжелательное отношение к Николаю Петровичу, не стал противоречить супруге и также остался дома.

Только один житель Горино (так называлось имение генерала) присутствовал в церкви – мнимый племянник Ивана Ивановича, декабрист Рунский. Он был лучшим другом... нет, ни Павла Сергеевича, а Евдокии Николаевны.

Кто бы мог подумать, что сельская барышня добрейшего и кроткого нрава сможет найти общий язык с вольнодумцем? Но, как ни странно, так оно и произошло. Ведь княжна Озерова, несмотря на безвыездную жизнь в провинции, была девушкой весьма образованной и просвещенной. И, как всякий мыслящий человек, не могла не сочувствовать либеральным настроениям последнего времени. Из газет, которые выписывал папенька, Евдокии стало известно и о восстании на Сенатской площади, и о трагической судьбе его участников. Все это поразило пылкую юную душу.

Когда Евгений Рунский поселился в М-ске, никто, кроме генеральской семьи, не знал его настоящей фамилии. Но однажды, когда княжна Додо была с визитом у Гориных, они с Евгением разговорились о событиях 14 декабря двадцать пятого года и его причинах. Евдокия отзывалась о декабристах с восторженным участием. Рунский и не надеялся встретить здесь, в провинции, понимающего человека, тем более, девушку. Убедившись в искренности Евдокии Николаевны, Евгений решил открыться ей. Княжна поклялась сохранить тайну декабриста.

С тех пор они были очень дружны. Часто молодой человек и Додо подолгу беседовали. Рунский рассказывал ей о своих товарищах: он знал Рылеева, Трубецкого, Бестужевых. Евдокия восхищалась мужеством этих людей и была благодарна судьбе, что встретила человека, так хорошо знавшего их.

Кроме давней дружбы с Додо, Евгений был в приятельских отношениях и с Павлом Сергеевичем. Одним словом, он просто не мог не прийти на свадьбу.

Наконец, церковь была полна, и венчание началось. Сияющий Павел стоял перед алтарем, хор начал петь, и Евдокия, исполненное счастья лицо которой было скрыто вуалью, под руку с Николаем Петровичем направилась к жениху.

«Венчается раб Божий Павел рабе Божьей Евдокии...» – раздался голос отца Георгия: невеста уже стояла у алтаря подле жениха.

Торжественная церемония венчания продолжалась три четверти часа, и вскоре счастливая чета, осыпаемая поздравлениями и цветами, проследовала к украшенной карете. Гости также расселись, и череда громоздких рыдванов со старыми барынями, семейных карет и легких дрожек, во главе с экипажем молодых, отъехала от церкви и направилась к поместью Мурановых.

Природа, кажется, ликовала вместе со всеми. Теперь, под лучами солнца, нельзя было не заметить в ней первых знаков весны. С холмов кое-где стекали небольшие ручейки, сливаясь в более крупные, у которых толпились крестьянские ребятишки и пускали по течению то веточку, то кусочек коры, наблюдая за их движением. Завидев свадебную карету, они поспешили поприветствовать господ.

ХIII

Сойдутся, сблизятся

Два сердца невзначай...

Гр. Ростопчина

Свадебный прием начался совсем недавно. Обед еще не подавали, но для желающих стояли столы с легкими закусками, и дворовые в праздничных ливреях ходили между танцующими парами, предлагая мужчинам шампанское, а дамам мороженое и конфеты. Свечи, в огромном количестве закупленные к этому дню, освещали парадную залу старинного дома Мурановых. Она была полна. С одной стороны разместился военный оркестр, игравший, к негодованию барышень, бравурные мелодии, с другой – еще не накрытый стол. А все остальное пространство заполняли танцующие пары. В центре залы кружились в упоении Павел и Евдокия, подле них – князь Озеров с супругой, в легкости движений неотличимые от молодых. Алексей Мирский, вальсируя с княжной Прасковьей, сиял, как его до блеска начищенные эполеты. Как не хватало в этом пестром кругу милого и остроумного Михаила Николаевича и очаровательной Аглаи Ивановны. Но они сейчас были за много верст отсюда.

В отдалении от танцующих, в широких креслах, сидели дамы почтенного возраста, среди которых была и Вера Федоровна Загряжская. Они сурово смотрели на молодежь, а про себя вздыхали по тем далеким и светлым временам, когда они, будучи молодыми девушками, с напудренными волосами и в широких робронах, плавно и величаво выступали под руки с такими же разряженными кавалерами. Некоторые из них, во-первых, конечно, старушка Загряжская, на этом же самом паркете. Каждая из дам пристально глядела на свою молоденькую родственницу и оценивала ее кавалера.

– Какой приятный молодой человек танцует с Наденькой, вы случайно не знаете, кто его родители? – спрашивала одна.

– Мне совсем не нравится этот кудрявый молодчик и его вольное обращение. И уж тем более то, что он танцует с моею Катенькой, – досадовала другая.

Лишь Вера Федоровна Загряжская не находила в кругу танцующих своей племянницы Сони.

Княжна стояла поодаль, в тени, у выхода из парадной залы. Ее глаза были обращены на противоположную сторону комнаты, где время от времени, когда расступались танцующие пары, можно было заметить молодого человека. Он также не принимал участия во всеобщем веселье, а лицо его было подернуто тенью задумчивости. Что-то в нем неуловимо привлекло Софью, заставив ее взгляд задержаться чуть дольше, чем позволяли приличия.

Шестнадцатилетняя девушка, с ранних лет воспитывавшаяся в институте, полностью отрезанном от мира, легко могла влюбиться. Она выделила именно Рунского среди прочих молодых людей – ее внимание обратил его задумчивый и невеселый вид. В возрасте, в котором сейчас пребывала Соня, у нее не могло возникнуть сильной страсти, скорее – желание заботиться о любимом человеке, разделять с ним невзгоды. Евгений производил впечатление глубоко несчастного человека, и тем вернее мог стать предметом ее полудетского чувства.

Евгений Рунский родился и вырос в Петербурге. Первые детские впечатления мальчика: война с французами, он стоит у окна с маменькой и машет рукою уходящему на фронт полку, в рядах которого – его отец. Через два года – триумфальный въезд воинов-победителей в столицу, а главное – возвращение отца, тяжело раненого, но живого!

Затем – Первый кадетский корпус, куда Евгений поступил по отцовскому желанию: Василий Дмитриевич хотел видеть сына военным. Вышедши на службу в один из гвардейских полков, молодой человек сблизился с Александром Бестужевым и вскоре вступил в тайное Северное общество – мысли о переменах давно волновали Рунского. А жизнь идет своим чередом, и однажды на балу он знакомится с очаровательной девушкой Лизой и пламенно в нее влюбляется. Никаких преград к счастью казалось, нет – обоюдная, как думал Евгений, любовь, согласие родителей. Но, узнав о том, что ее жених состоит в тайном обществе, девушка, испугавшись за свою безопасность и доброе имя, тут же отказывается от него. Пережив предательство любимой, Рунский полностью посвятил себя делам тайного общества. И вот, ноябрь 1825 года, получено известие о смерти императора Александра... Но вдруг – внезапная болезнь отца и спешный отъезд в деревню, разрушивший все планы молодого человека.

Вскоре Василий Дмитриевич умирает. У смертного одра отца Евгений клянется оставаться в провинции и почитать своего опекуна генерала Горина.

Следующий период был самым трудным в жизни Рунского. Он тяжело переживал утрату, и его страдания еще более обостряли неотступные раздумья об участи друзей, о том, что он сейчас не с ними. Евгений считал себя последним трусом оттого, что вынужден скрываться, но слово, данное отцу, удерживало его в деревне.

Уже несколько лет он жил в семье Гориных. Генерал и его супруга привыкли к нему и относились, как к родственнику. По старинной дружбе Ивана Ивановича с покойным Рунским, они даже намеревались породниться с Евгением, выдав за него замуж свою единственную дочь Аглаю. Но, видя его нежелание жениться, вскоре отказались от этого замысла.

Казалось, Евгений уже никогда не сможет полюбить. Но встреча с Соней заставила его вспомнить о тех движениях сердца, к которым, как ему представлялось, он давно потерял способность. Он также вглядывался в лицо княжны, стараясь рассмотреть его из-за толпы танцующих. Встретившись глазами с Соней, Евгений уловил в ее взгляде выражение, придавшее ему смелости подойти к ней. Княжна слегка покраснела, увидев, что тот самый задумчивый молодой человек приближается к ней – Евгений решил представиться, чтобы узнать хотя бы ее имя.

– Евгений Васильевич Горин, – произнес Рунский свое мнимое имя и, неожиданно для самого себя, пригласил девушку на танец.

Смущенная Соня присела в неловком реверансе, выдававшем в ней институтку и, проговорила: «Княжна Муранова, Софья Сергеевна», подала ему руку.

– Вы родственник генерала Горина? – немного осмелев, спросила она, кружась в танце с Евгением.

Рунский, погруженный в раздумье, не сразу услышал вопрос. «Так это она, сестра Павла, которая воспитывается в Смольном, – думал он. – Не удивительно, что я никогда не видел ее прежде».

– Господин Горин, – чуть громче сказала Соня и повторила свой вопрос

– Нет! – внезапно сказал Евгений и тут же понизил голос. Я назвался Гориним только потому, что вокруг люди. Но вам я могу довериться. Как только я увидел вас, мне отчего-то подумалось, что именно вы способны понять меня. В тот момент музыка перестала звучать, и кадрили закончилась.

– Я готова выслушать вас, хоть мне и непонятно ваше доверие, – сказала Соня, присаживаясь в кресла в глубине залы и приглашая Рунского на соседние, – здесь нас никто не услышит.

Княжне понадобилась вся ее выдержка, чтобы произнести эти слова, больше похожие на ответ опытной светской дамы, чем робкой институтки. Но зарождавшееся чувство к Рунскому и некоторое любопытство заставили ее перебороть смущение. А Евгений, отдаваясь порыву, взволнованно пересказывал Соне всю свою судьбу. Девушка внимательно слушала его, широко раскрыв глаза.

– Невероятно! – воскликнула она, когда Рунский закончил свой рассказ. И тут же испуганно оглянулась по сторонам – не услышал ли кто? Но княжна напрасно беспокоилась – все были заняты танцем. – Ваша судьба удивительна. Но меня еще более удивляет то, как легко вы доверились мне.

– Софья Сергеевна, я чувствую, что вам могу доверять вам. Но вряд ли я смогу объяснить, почему.

– Странно, и я почувствовала то же, когда увидела вас, – решила открыться Соня.

– Раз наши чувства так совпадают, позвольте мне написать вам. Ведь вскоре вы вернетесь в институт. Если бы я имел надежду когда-нибудь вновь видеть вас...

– Через несколько месяцев я окончу Смольный и вернусь в деревню. А за это время мы, действительно, могли бы писать друг другу, – сказала Соня и тут же, смутившись, опустила глаза.

– Вы не представляете, как осчастливили меня, Софья Сергеевна, – Евгений не скрывал восторга, столь не свойственного ему. А Соня от его слов покраснела еще сильнее.

– Завтра я уезжаю, – проговорила она.

– Я сегодня же напишу вам. И когда вы приедете в институт...

– Сразу же найду ваше письмо, – закончила Соня, уже не смущаясь.

– Мне бы так хотелось еще поговорить с вами. Но скоро вернется генерал, и мое присутствие на свадьбе вряд ли понравится ему.

– Он так заботится о вашей безопасности, поймите это, Евгений... Васильевич, – запнулась Соня.

– Нет-нет, не поправляйтесь, зовите меня по имени. Мне очень жаль, но я должен идти. Евгений взял Сонину руку в свою и поцеловал ее.

– Прощайте, Софья Сергеевна.

– Соня. Рунский, забывшись, еще раз поцеловал ее руку и, проговорив: «До свиданья, Соня», быстрыми шагами отошел от девушки. Не оглядываясь, чтобы окончательно не выдать своих чувств, он поспешил к Павлу и Евдокии, чтобы, попрощавшись, скорее вернуться в Горино. Едва он отошел от кресел, где сидел подле Сони, как его остановил Алексей Мирский. Поручик был очень оживлен шампанским и танцами с княжной Полин.

– Ты уже уходишь? – удивленно спросил он у Рунского.

– Пора. Меня могут хватиться дядя и тетя. Не думаю, что им понравится мой визит на свадьбу Евдокии, против брата которой они, особенно *ma tante*, настроены крайне недоброжелательно.

– Тогда и я отправлюсь с тобою, – предложил Алексей.

– А вот это лишнее, мой друг. Оставайся с очаровательной княжной Прасковьей. Счастье нужно ловить на лету!

– Спасибо, что ты так понимаешь меня. Чуть не забыл, – Алексей достал из-за мундира конверт, – это пришло от Мишеля. Он попросил меня передать письмо тебе лично – Аглаэ не решилась писать приглашение на свадьбу прямо в родительский дом.

– Что ж, разумно, – усмехнулся Рунский, принимая конверт. – Остается только придумать, как мне ускользнуть от тетушки в Петербург на свадьбу кузины. До свиданья, Алексис, – сказал Рунский и, попрощавшись с женихом и невестой, вышел на улицу.

Холодный ветер, подувший прямо в лицо, освежил его голову, в которой теснились противоречивые мысли. Пробегая глазами письмо Михаила, Рунский решил во что бы то ни стало ехать в Петербург. «Получи я это приглашение вчера, еще не зная, в чем мое счастье, я бы, недолго думая, написал вежливый отказ. Но на свадьбе Аглаи непременно будет Соня, ведь она стала родственницей Михаила. И теперь меня ничего не остановит – надежда видеть ее закрывает мне глаза на последствия этой поездки. Мне придется нарушить слово, данное отцу и Ивану Ивановичу – это самое трудное, но иначе нельзя. Третьего марта – через четыре дня я буду видеть ее, говорить с нею. Других оправданий у меня нет. В ту же ночь, Бог даст, я покину Петербург и возвращусь в Горино – здесь я буду ждать мая, выпуска из Смольного. Как бы мне хотелось там побывать ... Но думать о том, чтобы рисковать во второй раз – преждевременно, еще не известно, как получится в первый», – с такими думами Евгений сел в карету. Когда она тронулась, молодой человек бросил взгляд на ярко освещенный множеством окон дом Мурановых и увидел у одного из них силуэт девушки, как ему показалось – Софьи. Это действительно была она. Княжна стояла на том же месте, где несколько минут назад с нею говорил Рунский, и неотрывно глядела, как его карета отъезжает все дальше и дальше от дома, от нее.

Этот прощальный взгляд Сони, полный печали и нежности, еще сильнее укрепил решение, принятое Рунским.

XIV

Простите, верные дубравы!

Прости, беспечный мир полей...

Пушкин

Евгений покинул праздник, когда он еще только начинался. Никто, казалось, не устал от часа танцев, особенно молодежь. Пестрые пары, составлявшие круг, в середине которого кружились молодые, также легко порхали по освещенной зале. Хотя некоторые, как, например, князь Николай Петрович и его супруга Варвара Александровна, утомившись, присели в кресла и залюбовались прекрасной супружеской парой.

Софья так же стояла в стороне, отказывая даже самым ловким танцорам и милым молодым людям, безуспешно пытавшимся ангажировать ее на очередную мазурку или кадрили. Наконец был объявлен обед, и княжна вздохнула с облегчением.

Вскоре гости расселись за огромным столом, уставленным всевозможными яствами, во главе которого сидели князь и княгиня Мурановы, и пир начался. В его продолжении непрестанно раздавались тосты и поздравления в честь Павла и Евдокии. Алексей Мирский оживленно беседовал с княжной Прасковьей, сидевшей с ним рядом. Порой девушка звонко смеялась, но, встречая грозный взгляд Варвары Александровны, которая, любуясь старшей дочерью, не забывала приглядывать и за младшей, сразу опускала глаза и принимала самый прилежный вид. Софья была также рассеянна и погружена в задумчивость.

Вскоре столы были убраны, и бал продолжался. Николай Петрович предпочел больше не танцевать, потому что поужинал весьма плотно и остался в креслах подле супруги.

Веселящиеся гости и не заметили, как часы били одиннадцать, а провинциальные балы имеют обыкновения заканчиваться много ранее, чем столичные. Многие засуетились, поздравляя напоследок молодых, и начали понемногу разъезжаться.

* * *

Бледный рассвет показался над М-ском. Казалось, день обещает быть пасмурным. Но солнце остановилось не так низко, как его привыкли видеть уездные жители за долгую и суровую зиму. Его лучи теперь не просто освещали землю – они ее согрели. Вновь потекли ручьи, защелбетами, уже совсем по-весеннему, птицы.

Двери дома Мурановых отворились. В этот ранний час Павел Сергеевич, как всегда, совершал свой утренний моцион, только на этот раз не один – князя сопровождала супруга. Евдокия, прежде любившая поспать, с этого дня решила не разлучаться с мужем ни на минуту, насколько это возможно. И Павел был очень счастлив и доволен тем, что его Додо теперь всегда будет просыпаться вместе с ним. Что и говорить, он ждал этого почти год.

Князь открыл перед женой двери дома, и сам вышел на крыльцо. Раздался громкий в утренней тишине звук – на высокий боливар Павла упала капля воды. Евдокия рассмеялась недоуменному виду мужа и посмотрела вверх. С крыши дома свисали многочисленные сосульки. Согретые первыми лучами поднявшегося солнца, они начинали таять.

– Что вас так рассмешило, сударыня? – изображая строгий тон, поинтересовался у жены Павел, загребая рукою горсть рыхлого и мягкого подтаявшего снега.

– Ваш растерянный вид, сударь, показался мне очень забавным, – едва сдерживая смех, в тон мужу ответила Додо.

– Тогда, может быть, вас позабавит и это? – сказал князь с мальчишеским задором в глазах, и в Евдокию полетел только что изготовленный им снежок.

– Ах так! – воскликнула княгиня, отряхиваясь, – тогда позвольте и мне ответить вам тем же.

Она ловко слепила из снега комок и запустила им в Павла.

Он же развеселился не на шутку и не собирался прекращать забаву. Снежки летали туда и сюда. Неизвестно, сколько еще продолжалась бы веселая возня, если бы Евдокия не вспомнила о времени.

Князь торопливо расстегнул редингот и взглянул на часы, висевшие на золотой цепочке. Оказалось, что уже четверть девятого. Павел и Евдокия заторопились в дом, отряхивая на ходу одежду, которая вся была в снегу. Софья уже завтракала вместе с Верой Федоровной, и молодые супруги поспешили к ним присоединиться.

* * *

А в поместье Озеровых, заметно опустевшем после отъезда Михаила и замужества Евдокии, несмотря на это, кипела суета. Прасковья, очень взволнованная предстоящим первым

выходом в свет, собирала в сундуки все платья, какие у нее были. Варвара Александровна тщетно уговаривала ее оставить хотя бы половину, обещая в Петербурге заказать новые.

Николай Петрович почти ничего с собою не брал – он ехал всего на несколько дней. Отвезя супругу и дочь в столицу и сыграв свадьбу сына, князь должен был вернуться в М-ск, где его ждала служба. Предстоящая разлука с мужем очень печалила Варвару Александровну, в трезвом и практичном уме которой все носились какие-то смутные предположения о возможности для Николая Петровича устроиться на службу в столице.

Наконец, вещи были погружены, указания управляющему отданы, и все готовы к отъезду. Прасковья, стоя на крыльце, заметила приближавшийся дормез Мурановых. Вскоре он подъехал, Павел обменялся несколькими словами с тестем, и длинная вереница из двух дормезов и едва ли не полдюжины обозов и кибиток тронулась в путь.

Евдокия Николаевна Муранова, отодвинув шторы, смотрела на отеческий дом, который в ее глазах все уменьшался и уменьшался, пока не превратился в еле заметную точку. Вскоре замелькали поля, перелески, владения соседей. Но образ любимого дома остался неизменным в душе молодой княгини, трепетно ожидавшей чего-то нового и неизведанного – того, что воплощает в себе это волшебное название – Петербург...

КНИГА 2

ЧАСТЬ 1

I

Егор Ильич Ветровский, вице-директор департамента Министерства внутренних дел, пребывал в наилучшем расположении духа. Он только что вернулся от графа Броновского, который остался весьма удовлетворен его докладом.

В дверь кабинета постучали. С позволения Ветровского вошел секретарь, титулярный советник Виктор Вревский, и протянул Егору Ильичу конверт. Статский советник взглянул на имя отправителя и просиял. «Как же давно не давал о себе знать князь Озеров. Интересно, что же он пишет, – думал Ветровский, распечатывая конверт и пробегая глазами первые строки письма. – Так это не Николай, а Миша – титулярный советник, выпускник Царскосельского Лицея... просит принять его в Министерство... Кажется, совсем недавно я гостил у Озеровых в Тихих ручьях, и этот самый титулярный советник показывал мне майского жука, которого он изловил и заточил в коробочку. Как сейчас помню, в тот год родился наследник-цесаревич, великий князь Александр Николаевич... Что ж, любопытно будет увидеть князя Михаила, – проговорил Егор Ильич, поднимая глаза от письма. – Где-то у меня был записан их адрес в Петербурге. Нужно написать ему и пригласить...» – начал разбирать бумаги Ветровский.

– Не стоит беспокоиться, Егор Ильич, я прекрасно знаю, где живет князь, ведь мы учились вместе. Он просил меня передать вам это письмо, – сообщил Виктор.

– Вы с Михаилом товарищи, стало быть. Прекрасно. Ступайте к нему, голубчик, и возвращайтесь вместе, – сказал Егор Ильич, и Вревский вышел из его кабинета.

Пройдя по Невскому и приветливо улыбнувшись нескольким знакомым дамам, молодой человек повернул к Большой Мильонной, и вскоре он уже звонил у дверей особняка Озеровых. Ему открыла незнакомая дама средних лет, оказавшаяся баронессой Инберг, и Виктор поспешил отрекомендоваться как приятель Михаила Николаевича. Елена Юрьевна радушно приняла гостя, усадила в кресла и распорядилась принести чаю. Виктор, узнав, что Михаил с невестой в сопровождении сына баронессы отправились в церковь, чтобы условиться о венчании, согласился на

предложение Елены Юрьевны подождать друга здесь.

* * *

«Ах, Миша, взгляни только на это, какая прелесть!» – поминутно обращалась к жениху Аглая, показывая то на великолепное здание, то на витрину модного магазина. Девушке то и

дело хотелось произнести то же, когда она видела разряженных дам или роскошные кареты, но, при всей своей непосредственности, она все же понимала, что это моветон.

Если Михаил добродушно кивал головою и повторял «Право, Аглаэ, это великолепно», то Денис, без того утомленный этой прогулкой, которая не представляла для него такого интереса и очарования, как для молодых провинциалов, с недовольной физиономией выполнял свою роль проводника впереди, в некотором отдалении от пары. Когда же Аглая уговорила жениха зайти в модный французский магазин, чтобы выбрать свадебное платье, барон, не выдержав этого, извинился и направился домой. Благо особняк Озеровых был уже неподалеку, иначе Михаил и его невеста не один час проплутали бы по Петербургу в его поисках.

Вернувшись в дом кузена, Денис увидел в гостиной маменьку, которая пила чай и беседовала с каким-то молодым чиновником. Виктор и корнет познакомились, и последний присоединился к чаепитию. Вревский, узнав, что m-lle Аглаэ выбирает свадебное платье, совсем отчаялся видеть Михаила в ближайшее время. Он уже собирался уйти, оставив другу записку, но баронесса и ее сын убедили Виктора подождать еще немного. Как ни странно, Аглая и Михаил вернулись через полчаса. Девушка начала было восторженно описывать платье, которое она заказала, но, увидев Вревского, смутилась и замолчала. С баронессой и бароном она, несмотря на недолгое знакомство, была уже в коротких отношениях. Виктор, поблагодарив Елену Юрьевну за чай, подошел к Михаилу и, сказав другу несколько слов и попрощавшись с дамами и Денисом, вышел вместе с князем на улицу.

Молодые люди шли по Невскому к зданию министерства внутренних дел. Михаил, узнав из рассказа друга, как обрадовался Ветровский его письму, воодушевился и ускорил шаг. Вскоре они уже стояли у кабинета статского советника. Егор Ильич, увидев своего секретаря с каким-то молодым человеком, догадался, кто это был и поднялся с приветствием.

– Михаил! Как же я рад! – обнял он сына своего старого друга.

– Виктор, передайте эти бумаги графу Броновскому, я хочу узнать его мнение, – протянул папку статский советник, и Вревский вышел из кабинета.

– Как вы похожи на свою мать – я знал Варвару Александровну в юности, у вас с ней невероятное сходство, – сказал Ветровский и тут же перешел на деловой тон – Значит, желаете служить статским, как и ваш отец? – Такие переходы были в обыкновении у Ветровского.

– Непременно по статской, ваше высокородие, – бодро ответил князь.

– Оставьте это «высокородие», мой друг, и мне позвольте называть вас просто Михаилом, – сказал Ветровский, – присядьте. Ваш отец столько раз помогал мне, он был, да и сейчас, надеюсь, считает меня своим ближайшим другом. Я знал вас еще младенцем – теперь будем вместе служить, – задумчиво закончил статский советник. – Вы написали, что скоро женитесь. Рад поздравить с будущей свадьбой! Кто же ваша невеста?

– Аглая Ивановна Горина, дочь генерал-лейтенанта в отставке Ивана Ивановича Горина. Раз уж заговорили о свадьбе, прошу вас оказать нам честь своим присутствием. Венчание состоится послезавтра в Лазаревской церкви. Вы увидите там и со своим старым другом.

– Благодарю. А насколько ваш отец собирается в Петербург? Он ничего не говорил вам?

– Думаю, не более чем на три дня. Возможно, он писал вам – отец больше не предводитель уездного дворянства.

– Да, да, несправедливость, какая вышла несправедливость! – с горечью произнес Ветровский, – и он, тем не менее, продолжает служить в уездном собрании. Я поговорю с Николаем – здесь, в столице, очень нужны такие способные и добросовестные люди.

– Как было бы замечательно отцу служить в Петербурге! Я тоже поговорю с ним, но, думаю, ваш совет вернее сможет его убедить.

– Что ж, рад буду посетить вашу свадьбу. В котором часу?

– В десять, – ответил Михаил, забывший сказать о времени.

– Прекрасно. А на следующий день...какое же это число...четвертого дня марта – начнете службу. Я еще подумаю, куда вас определить, а после Виктор передаст вам. Он ведь ваш приятель, не так ли?

– Да, мы вместе учились в Лицее.

– Совсем забыл! Забыл спросить, как поживает ваше семейство. Как маменька, сестры?

– Сейчас у нас все хорошо, хотя после потери отцом поста уездного предводителя приходилось нелегко. Старшая сестра Евдокия вышла замуж за князя Муранова и скоро будет в столице. Прасковья также приезжает – маменька хочет вывозить ее в свет.

Приходите на мою свадьбу, там будет вся наша семья.

– Непременно приду.

– Что ж, не буду далее задерживать вас, мне нужно готовиться к свадьбе. До встречи, Егор Ильич.

– До свидания, Михаил. Был очень рад увидеть вас.

Молодой человек вышел, а статский советник, искренне обрадованный будущей встречей со старинным другом, снова занялся своей работой.

Михаил шел по Невскому проспекту. Его настроение было замечательным, как и погода в Петербурге в этот день. Он только начинался, а князь уже успел многое сделать: и условиться о венчании, и заказать свадебное платье, весьма осчастливив невесту, и получить работу под началом замечательного человека, лучшего друга его отца. Кроме того, сегодня Михаил ожидал приезда своих родных, которые, по его предположениям, уже должны были получить письмо.

Молодой человек, увлеченный мыслями, и не заметил, как подошел к своему дому. Увидев у крыльца два дормеза, он поспешил к ним. Но там уже никого не было, только слуги торопливо переносили вещи в дом. Кучер другого дормеза оставался на своем месте – Михаил узнал мурановский экипаж. Князь резво взбежал по лестнице и зашел в дом.

– Мишенька, душа моя! – Евдокия, только завидев брата, поспешила обнять его.

– Рад приветствовать княгиню Муранову, – своим обычным шутивным тоном ответил молодой человек.

И тут же к нему с двух сторон подошли Варвара Александровна и Прасковья, обнимая, целуя и засыпая вопросами своего любимого Мишеля.

По глазам родителей Михаил понял, что они уже почти не сердятся. Однако выслушать назидательные речи маменьки ему пришлось. Но были и хорошие вести: Озеровы на пути в Петербург побывали с визитом у Гориных, принесли свои извинения, уверили генерала и его супругу, что их дочь вверена покровительству баронессы и почти убедили их в том, что брак между их детьми – наилучший исход в сложившемся положении. Горины намеревались прибыть в Петербург в ближайшие дни, что стало неожиданностью для жениха и невесты. Николай Петрович, отойдя с сыном в сторону, одобрительно похлопал его по плечу, сказав: «А ты уже совсем взрослый. Подумать только, сам справляешься с управлением хозяйством».

– Не преувеличивайте, рара: порядок и уют в доме – целиком и полностью заслуга та tante и моей невесты, – ответил Михаил.

В комнату вошли Денис, который сразу устремился приветствовать кузин, Елена Юрьевна и Аглая.

– Благодарю тебя за помощь Мише, Елена, – пожимала руку кузине Варвара Александровна.

Когда все, наконец, обменялись приветствиями, Мурановы, как было условлено заранее, немного отдохнув и пообедав вместе со всеми, поехали в особняк Павла, обещав быть завтра к обеду, чтобы присутствовать на благословении на брак Михаила и Аглаи.

II

Карета с княжескими гербами Мурановых катилась по петербургской мостовой. Павел просил кучера провезти их через Невский, Адмиралтейство и Аничков – он хотел показать жене красивейшие места столицы

– Это Михайловский замок, – сказал князь Евдокии, которая глядела в другое окно.
– Тот самый! – воскликнула она, оборачиваясь.

Павел подвинулся, чтобы жена могла выглянуть в окно, выходявшее на его сторону.

– Право, на нем есть отпечаток чего-то зловещего. Помнишь, у Пушкина:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец ² – вспомнила Евдокия.

– Да, «Вольность», крамольное сочинение великого поэта, что ты переписывала в свой альбом со слов Рунского.

Павел недавно узнал историю декабриста от супруги – Евдокия не смогла скрыть ее.

– Как хорошо, что мы заговорили об альбоме, – сказал князь. – Нужно заказать тебе новый.

– Зачем? Мой ведь не заполнен и наполовину, – удивилась Додо.

– Понимаешь, нельзя держать такие стихи у всех на виду. Это может повлечь за собой большие неприятности.

– Да, если кто-то случайно увидит их. Но я же не буду никому показывать свой альбом.

– Как же? Мы станем часто бывать в свете, у нас будут собираться гости. Наверняка многие пииты будут просить у тебя альбом, чтобы вписать какой-нибудь мадригал, – улыбнулся Павел, которому деревенская невинность жены показалась уж чрезмерной.

Глаза Евдокии расширились от возмущения:

– Неужели ты мог подумать, что я позволю другим мужчинам посвящать мне стихи?

Она произнесла это так убежденно, в таком искреннем негодовании, что Павел взял ее за плечи и заглянул в глаза:

– Додо, дорогая, я ценю твою преданность, но...

– Не говори «но», – с мольбой в голосе прервала его Евдокия.

– Нет, ты должна выслушать, – твердым голосом перебил Павел. – Существует общество, существует свет. И наш с тобою долг – появляться там. И, как бы тебе этого не хотелось, мы должны...

– Ты помнишь наш разговор в библиотеке отца? – громким и твердым, совсем не свойственным ей голосом спросила Евдокия и пристально посмотрела мужу в глаза.

– Помню, конечно же, помню... – не совсем уверенно ответил Павел.

Тогда, прошлым летом, убежденная речь девушки, чьей руки он искал, несомненно, оказала на князя некоторое влияние. Но возвращение в Петербург, наполненный развлечениями и удовольствиями, к которым он так стремился, ослабило его в Павле и дало понять, что он, по-прежнему, – пленник большого света. Если первые слова Евдокии умилили его, то последующие едва ли не раздражали. Ее смешные уездные нравы, грозящие нарушить его планы о еще более блистательном светском положении, возможном благодаря присутствию молодой и привлекательной жены, уже не казались ему столь пленительными.

– Знаю, общество тебе неприятно, ты выросла в сельском уединении, но, я уверен, скоро ты найдешь друзей, сможешь познакомиться с сочинителями, которых в таком упоении читаешь, – убеждал он ее, как ребенка.

– Как же я раньше не задумывалась об этом, – повеселела Евдокия и отодвинула штору. – Взгляни, мы стоим и никуда не едем. Может быть, что-то с каретой?

– Все в порядке, – ответил Павел, – просто мы и не заметили, как приехали домой.

Супруги выбрались из экипажа, остановившегося на набережной Фонтанки, и их взгляду предстал великолепный дом, родовой особняк Мурановых. Демьян, крепостной кучер, обратился к барину:

– Павел Сергеич, не прогневайтесь, уж с четверть часа, как подъехали. Я не смел прерывать ваш разговор с барыней.

– Спасибо, Демьян, ты свободен, – сказал князь и вместе с женою поднялся на высокое крыльцо. «Прошу», – произнес Павел и открыл перед Евдокией двери ее нового дома.

Княгиня, а следом за ней и муж, оказались в просторной передней, где хозяйина с молодой женой уже встречали заранее уведомленный управляющий и множество слуг.

Приняв приветствия крепостных и распорядившись об обеде, Павел направился к роскошной анфиладе – показывать супруге дом. Здесь, в мурановском особняке, все было наполнено духом широкого русского барства. Построенный во времена Елисаветы Петровны, дом был образцом той роскоши и вычурности, которыми отличалась архитектура, да и весь образ жизни осмнадцатого столетия. Федор Львович Муранов, дед Павла, получив должность секретаря канцлера императрицы, Михаила Илларионовича Воронцова, решил обосноваться в Петербурге и построить здесь особняк. Став собственностью рода, дом перешел к сыну Федора Львовича, Сергею, а от него – к нынешнему представителю фамилии, последнему из Мурановых, князю Павлу. Он провел здесь почти всю свою жизнь – от рождения и до последнего года, так изменившего ее.

Все убранство дома было в истинно классическом стиле – всюду лепнина и позолота, бронза и красное дерево. Мебель поражала красотой обивки, шторы – изяществом ткани. По всему было видно, что в отсутствии хозяев за порядком и чистотой в доме исправно следили – люстры и подсвечники были начищены до блеска, зеркала и столы протерты, в паркете можно было видеть собственное отражение. Последней комнатой в анфиладе первого этаж была портретная. Князь рассказывал жене о каждом из представителей рода Мурановых, со времен Петра Великого, изображенных на портретах. Здесь были и герои турецких войн, и сенаторы и государственные деятели. О многих из них Евдокия уже слышала от Павла. На большом пояском портрете был тот самый секретарь канцлера графа Воронцова, Федор Львович Муранов, при котором построили этот дом – полноватый мужчина с добрым лицом, в напудренном парике. Внимание Евдокии привлек портрет молодой женщины в античном платье начала века и соломенной шляпке. Черты ее лица, в особенности глаза, очень напоминали Павла Сергеевича.

– Эта женщина – твоя мать? – спросила у мужа Евдокия, подводя его к портрету.

– Да, покойная матушка Екатерина Антоновна. Я почти не знал ее. Многие говорят, что я очень похож на нее. А ты не находишь?

– У вас редкое сходство. Теперь я знаю, что свои прекрасные глаза ты унаследовал от матери, – сказала Додо. – А где же портрет твоего отца?

– Вот, Сергей Федорович, – показал князь на портрет молодого мужчины в мундире Александровского времени. Если Павел что-то и унаследовал от отца, то только густые каштановые волосы и бакенбарды. Сам он был невысокого роста и не такого богатырского сложения, как Сергей Федорович, могучая грудь которого вся была увешана орденами, полученными в боях с Бонапартом.

– А рядом с отцом – ma tante.

– Вера Федоровна? – удивилась Евдокия, рассматривая статную даму в широком зеленом платье. Одну из самых блестящих женщин павловского двора в теперешней старушке выдавали разве что большие черные глаза, не утратившие с годами своего блеска.

– Соня! – узнала Додо сестру Павла на одном из портретов.

– Да, здесь художнику удалось очень верно изобразить ее черты. Этот портрет был писан к ее шестнадцатилетию, незадолго до нашего отъезда из Петербурга. А вот и я, – весело сказал Павел, показывая на свое изображение. – Скоро здесь будет и твой портрет, – обратился он к жене. – Как ты думаешь, к какому живописцу обратиться? Может быть, к г-ну Брюллову?

– Еще рано думать об этом. Мы только приехали в Петербург...

Разговор супругов прервало объявление вошедшего лакея об обеде. Евдокия и Павел, весьма проголодавшиеся, направились в столовую. Там был роскошно сервирован стол, накрытый изящной шелковой скатертью. Во время обеда супруги возобновили разговор.

Павел очень любил Петербург, город своего детства и юности. И сейчас, приехав в столицу, намерен был надолго здесь обосноваться. Жене Павел об этом пока не говорил: решил подождать, пока она пообвыкнет здесь и, как он надеялся, полюбит Петербург. Пока же князь видел, что Евдокия, всю свою сознательную жизнь прожившая в деревне, чувствовала себя здесь немного неуютно. Конечно, она не подавала виду явно, восхищаясь видами столицы и восторженно говоря о впечатлениях, ими произведенных. Но все же Павел чувствовал, что для того, чтобы ей привыкнуть к новому укладу жизни, нужно время.

Пока же князь решил поступить на службу. Здесь он не стал противоречить настойчивым просьбам Евдокии пойти по статской. Видеть Павла военным желал его отец, прирожденный полководец, и мальчик еще при жизни Сергея Федоровича был записан в Первый кадетский корпус. Да, молодой князь воевал в Турции, в кампании 1828-1829 годов и дослужился до штабс-капитана. Но его душа никогда не лежала к военной службе, он воспринимал ее только как долг. Тогда, год назад, он вздохнул с облегчением, когда тетушка попросила его выйти в отставку, чтобы жить с ней в деревне. Постоянная муштра, парады, смотры – все это утомляло Павла, в характере которого не было воли управлять, необходимой офицеру. Ему хотелось получить необременительную статскую должность, которая позволяла бы, сохраняя свои привычки к свободной жизни, в то же время, находиться при деле. Хотя, в случае Павла, этого требовала скорее его репутация в свете, чем внутреннее желание.

Поздним вечером князь сообщил супруге, что он уже послал узнать о возможности аудиенции у государя, а завтра намерен ехать в Зимний. Павел надеялся, что государь Николай Павлович позволит ему начать статскую службу. В лейб-гвардии конно-артиллерийский полк, где он прежде служил, князь не хотел, да и Евдокия, чьи отец и брат были статскими, с недоверием относилась к военной службе и ни за что не отпустила бы мужа на войну. Княгиня была рада желанию Павла ехать с прошением к императору и напомнила ему, что завтра к обеду они должны быть у Озеровых, на помолвке Михаила и Аглаи. Князь обещал выехать как можно раньше, чтобы не опоздать и вовремя заехать за женою.

III

На следующий день княгиня Муранова проснулась в девятом часу, что до замужества далось бы ей нелегко. Но, став женою Павла, Евдокия с легкостью изменила многим своим детским привычкам. Молодая женщина теперь сознавала себя женою, хозяйкою дома, будущей матерью, и понимала, что отныне на ней будет все хозяйство и заботы о благоустройстве дома.

Не увидев мужа рядом, Додо поняла, что он постарался, как и обещал, встать и выехать пораньше. Молодая княгиня решила пройтись по комнатам второго этажа, которые вчера они с Павлом не успели осмотреть. Здесь располагались, в основном, гостевые спальни. В них было сыровато и прохладно из-за редкой топки, мебель была завешана чехлами. Евдокия уже собиралась спускаться, не найдя в холодных и неуютных комнатах ничего занимательного, но, открыв дверь последней, изменила свое мнение.

Это был роскошный будуар осмнадцатого столетия, полностью соответствовавший вкусу галантной эпохи. Весь его вид говорил о том, что он полностью подготовлен к приезду хозяйки. Здесь было довольно тепло – по всей видимости, топили недавно. «Кажется, это комната Загряжской. Но почему она выглядит, как жилая? Странно, Вера Федоровна ничего не говорила о намерении ехать в Петербург. Мне казалось, она не собирается покидать поместья, – недоумевала Евдокия. – Пожалуй, спрошу Павла об этом», – решила она и, несмотря на то, что почувствовала себя немного неуютно в этом, словно обитаемом, жилище, принялась рассматривать его убранство.

На стенах, обитых штофными обоями, висело несколько прекрасных небольших портретов. На одном из них княгиня узнала Веру Федоровну Загряжскую. «А ведь это была женщина редкой красоты и, как мне кажется, блестящего ума. Недаром же ее ценила мать императора Мария Федоровна. Наверное, это она пожаловала любимой фрейлине свой портрет», – подумала девушка, увидев изображение императрицы. Взгляд Евдокии скользнул дальше по той стене, и вдруг внимание девушки привлек один из ее участков. Подойдя ближе, Додо заметила как бы очертания дверцы, скрытой шелковой обивкой. Сначала княгиня подумала, что ей это померещилось. «Потайные двери бывают только в романтических повестях», – улыбнулась она своим мыслям. Но живое воображение девушки подсказывало ей, что, возможно, и за этой дверью скрыта какая-нибудь история.

Евдокия колебалась. С одной стороны ей очень хотелось узнать, что за потайной дверцей, с другой – она очень уважала Веру Федоровну, и ей было совестно раскрыть, возможно, какую-то ее тайну.

Вообще Загряжская, скучная старушка, какой ее все видели, пылкому воображению Евдокии, развитому на романтических повестях, представлялась окутанной ореолом какой-то таинственности. Да, Вера Федоровна и выглядела, и вела себя, как и все обыкновенные пожилые дамы: брала крепостных, раскладывала гранпасьянс по вечерам и носила немислимые чепцы. Но за этой заурядностью, казалось княгине, скрыто блестящее прошлое, полное необыкновенных происшествий.

И сейчас Евдокии очень захотелось войти в потайную комнату, дверь которой была скрыта в стене будуара Веры Федоровны. Подойдя к изящной оттоманке, прямо за которой, под штофными обоями, виднелись очертания дверцы, Евдокия, еще несколько секунд поколебавшись, вплотную приблизилась к стене и слегка толкнула ее. Но, к немалому изумлению и разочарованию княгини, ничего не произошло. «Дверь действительно есть, это очевидно, – думала Евдокия – но просто так она не открывается, и никаких признаков замочной скважины нет, значит, существует какой-то иной способ отпереть ее. Но он ведом одной только хозяйке будуара», – мысленно заключила княгиня и, еще раз окинув взглядом комнату, направилась к выходу, так и не открыв никакой тайны. Но это препятствие сделало ее еще более интригующей, и, проведя рукою по позолоте портретной рамы, девушка проговорила: «А ведь я знала, что вы не так просты, как хотите казаться, Вера Федоровна Загряжская».

Внезапный звук растворяющейся дверцы заставил слегка испугавшуюся княгиню обернуться. Тайная комната была открыта. Додо поняла, что в портрете скрыт какой-то механизм, приводящий в движение дверцу. Внимательно осмотрев рамку, девушка действительно обнаружила в ней рычажок – настолько маленький, еле различимый, что неудивительно, как она не заметила его прежде. Княгиня, изучая портрет, как бы нарочно оттягивала момент входа в тайную комнату, старая и, по всей видимости, давно не открывавшаяся дверь которой поскрипывала на ветхих петлях. От этого жутковатого звука и полной темноты, зиявшей в глубине потайной комнаты, Евдокии стало как-то не по себе.

Девушка, мысленно упрекая себя в малодушии, вышла из будуара Загряжской и направилась к своей спальне. Додо вовсе не отказалась от своего намерения, она лишь взяла, войдя к себе, подсвечник и зажгла с помощью огня в камине, постоянно горевшего в холодные дни

петербургской весны, несколько свечей. Держа подсвечник в руке, Евдокия вышла из комнаты и, оглянувшись по сторонам, убедилась, что вокруг нет никого из слуг. Тихими шагами вновь направилась она к таинственному будуару Веры Федоровны Загряжской.

От сквозняка, возникшего, когда княгиня вошла в комнату, снова раздался зловещий скрип потайной дверцы, который, однако, не остановил девушку. Евдокия с подсвечником в руках, не останавливаясь, устремилась к входу. Едва не оступившись на высоком пороге, она оказалась в узком помещении, противоположной стены которого, из-за тусклого освещения, пока не было видно. Но, пройдя несколько шагов почти в полной темноте, Евдокия, вытянув руку с подсвечником вперед, сдавленно вскрикнула.

На мгновение девушке показалось, что перед нею стоит давно умерший император Павел I. Но, справившись с волнением, молодая княгиня поняла, что это был огромный, во всю стену, портрет монарха. Приблизив к нему подсвечник, Евдокия стала рассматривать изображение. Здесь Павел был мало похож на другие свои портреты, которые ей прежде приходилось видеть. «Но, наверное, больше похож на себя», – предположила княгиня. Не отличавшееся красотой лицо императора было исполнено особого выражения, выдававшего движение души. Вглядываясь в черты монарха, Евдокия вспоминала трагические события 11 марта 1801 года, о которых ей рассказывала маменька.

Рассматривая портрет, княгиня, задумавшись, совсем забыла, где она и, оглянувшись по сторонам, слегка испугалась. «Что же этот огромный портрет Павла I делает в тайной комнате Загряжской? Кажется, кроме него, здесь ничего нет, хотя, я еще не все осмотрела», – подумала Евдокия и направила свет в один из углов. Там обнаружился небольшой столик на четырех ножках, с причудливой резьбой. На нем стоял позолоченный ларец искусной работы осьмнадцатого столетия. Он по виду очень подходил для хранения писем, как подметила княгиня, внимательно рассмотрев узорную крышку. «По всей видимости, Вера Федоровна хранит здесь личную переписку. Но причем здесь император Павел? Если не...»

Евдокии внезапно пришла мысль, разрешавшая, казалось, все тайны: «Вера Федоровна... была возлюбленной Павла I? Неужели так? Но все сводится к этому: их портреты связаны между собою и открывают потайную комнату, в которой – совершенно неизвестное изображение императора, огромного размера, написанное будто бы специально для Загряжской. Ларчик этот, не сомневаюсь, служит для хранения писем ее державного возлюбленного... Помню, Павел рассказывал мне, что Вера Федоровна вышла замуж за Загряжского только повинаясь родителям, против своей воли. И после их смерти, оставаясь, по закону, его женою, жила отдельно от мужа, который как-то внезапно уехал в деревню... сразу же по восшествии на престол государя Александра Павловича в 1801 году. Еще впервые услышав об этом, я догадалась, что Загряжский, возможно, был участником заговора графа Палена против императора Павла, завершившегося страшным злодейством. Если я не ошибаюсь, и Вера Федоровна действительно любила Павла Петровича, тем более понятно, почему она не последовала за мужем в деревню и осталась жить в Петербурге... Что же это я? Как можно думать о чужих тайнах?» – внезапно опомнилась Евдокия. Поддавшись очарованию загадочной комнаты, задумавшись о Павле Первом, княгиня начала строить различные предположения, в ее живом уме появлялось множество догадок. Но, зайдя слишком далеко в прошлое Загряжской и ее личную жизнь, девушка внезапно осознала, что она совсем не думает о принципах, внушенных ей воспитанием. Встряхнув головою, как бы гоня ненужные мысли, Евдокия поспешно вышла из потайной комнаты и погасила свечи. Княгине вдруг стало так стыдно перед Верой Федоровной и памятью покойного императора, даже перед своим супругом, когда первое очарование прошло, и она поспешила в свои покои.

Закрыв за собой дверь будуара, Евдокия в смятении шла по коридору второго этажа с подсвечником в руках. Подходя к своей комнате, княгиня внезапно столкнулась с одной из крепостных девушек.

– Ох, барыня, насилу разыскала вас.

– Что тебе, Маша?

– Господин какой-то вас спрашивает. Уж не знаю, впускать или нет – человек-то незнакомый. На крыльце дожидается.

– Он представился?

– Простите, барыня, сразу не сказала: Гориним назвался, Евгением Васильичем.

Евдокия, услышав имя друга, ничего не говоря, устремилась к лестнице. Подсвечник так и оставался у нее в руках.

Горничная Маша проводила барыню недоуменным взглядом. Дверь одной из комнат открылась, и в коридор вышла Лиза, так же одна из служанок Мурановых.

– Что, разыскала хозяйку? – спросила девушка.

– Да уж, хозяйка! Не нравится мне она. Странная. Сейчас застала ее здесь с подсвечником в руках – не иначе как из комнаты барыни Веры Федоровны выходила. Видно, вынюхивает что-то. А как услышала, что барин тот ее дожидается, так и бросилась бежать, даже подсвечник не поставила. Видать, полюбовник ихний.

– Да что ты говоришь, Маша! Не может Евдокия Николавна мужа своего обманывать – любит она его, это сразу видно. И лицо у нее доброе. Дурного слова никому из дворовых не скажет.

– Да она здесь без году неделю, и того меньше! Ох, чую, хлебом мы с ней еще. Жалко мне Павла Сергеича, что за жену он за себя взял...

– О чем ты? – удивилась Лиза.

– Демьян приехал с барином из деревни, все мне о ней поведал. Из князей Озеровых она. Рода-то древнего, знатного, да бесприданница. Папаша ихний обанкротился, а тут Павел Сергеич наш подвернулся, вот она и окрутила его. Барыня-то Вера Федоровна в поместье его повезла, думала примерную супругу племяннику найти... не испорченную обществом – вот как. Опять же, с приданым хорошим. А вышло?

– Думай, как хочешь, Маша, а мне молодая барыня нравится, – убежденно сказала Лиза.

А Евдокия торопливо спускалась по лестнице, почти не веря в то, что внизу действительно стоит Рунский. Она уже и думать забыла о Загряжской, ее комнате и Павле I. Очутившись в прихожей, княгиня сразу же распахнула входную дверь. Ее встретил знакомый смех, будто из детства прозвучавший – в новой своей жизни она совсем не ожидала, что так скоро увидит Евгения.

Рунский с вещами в руках, одетый в двубортное пальто и цилиндр, неудержимо смеялся своим особенным, добрым смехом.

– Евгений, ты с ума сошел! – воскликнула Евдокия, когда прошло первое удивление и, взяв молодого человека за руку, увлекла его за собою, захлопнув дверь.

– Тебе сказали, что внизу ждет незнакомый мужчина, и ты захватила с собой этот предмет, вероятно, для самообороны, – веселым тоном сказал Рунский. И вправду, Евдокия, открывшая дверь, с развившимися локонами, расширенными от волнения глазами и подсвечником в руках, выглядела забавно. Заметив, наконец, что она все время носила его с собой, девушка, негодуя, с силой поставила подсвечник на стол и опустилась на диван в полном смятении.

– У меня просто нет слов, Евгений, что ты здесь делаешь? Как ты мог выехать из Горино и направиться ни куда-нибудь, а прямо в Петербург? – возмущенно сказала она и перевела дух. – Спасибо, что не сразу поехал в Зимний дворец, а решил по дороге заглянуть ко мне, – уже смягчившись, пошутила она: слишком велика была радость этой встречи, чтобы долго сердиться на Рунского.

– Да, хотел узнать, как проходят первые дни твоей жизни в качестве замужней дамы, – в тон Евдокии ответил он.

– Прекрати шутить и немедленно объяснись, – уже потребовала она. Княгиня позвонила в колокольчик, лежащий на столике у дивана. На зов явился управляющий особняком.

– Распорядитесь о чае, пожалуйста, – сказала Евдокия. – Мне от волнения так захотелось пить, – вполголоса прибавила она, обращаясь к Рунскому.

Как только шаги управляющего затихли в глубине анфилады, Евдокия взяла друга за плечи, повернула к себе и, заглянув ему в глаза, твердо спросила: «Евгений, что случилось?»

– Что ж, на прямой вопрос – прямой ответ. Я полюбил Софью.

– То есть, – не сразу поняла Евдокия, – ты хочешь сказать, нашу Соню, Муранову?

– Да, – просто ответил Рунский.

– Как внезапно... Совсем от тебя такого не ожидала, друг... Софья – чудесный ребенок, я совсем недавно знаю ее, и сама готова полюбить всю душой. Но, все-таки, это слишком неожиданно. Как так вышло? Когда вы успели познакомиться?

– Скажи, как ты думаешь, могу ли я надеяться на взаимность? – говорил о своем Евгений – Знаешь, в день твоей свадьбы, на балу, я впервые увидел ее. Это было определение судьбы, я не сомневаюсь. Я просто взял и рассказал ей все.

– Все о себе? Евгений кивнул.

– Это был порыв, мы проговорили с нею около часа, понимая друг друга с полуслова.

– Удивительно. Такое бывает нечасто, – проговорила Евдокия. – А Соня? Как ты думаешь, что чувствует к тебе она?

– Мне показалось, в ней зародилось что-то – еще робкое, неосознанное, но обещающее вырасти в чувство.

– Странно, я ничего этого не заметила – вашего знакомства, разговора.

– Неудивительно, в тот день ты вышла замуж, – усмехнулся Рунский.

– Прости меня, я, право, совсем не поговорила с тобою в тот вечер.

– Полно, что ты.

– Я знаю, ты будешь искать встречи с Софьей, – проговорила Евдокия – но показываться на людях тебе не стоит. Понимаю, я не могу тебе приказать, но пожалуйста, положишься на меня и не пытайся предпринимать что-то самостоятельно. Я попрошу Павла и, возможно, ты поедешь с нами навестить Софью в институт.

– Как мне благодарить тебя? Позволь, я пришлю к вам человека узнать, когда вы соберетесь ехать?

– То есть как это – пришлешь человека? Ты хочешь сказать, что собираешься жить... – изумленным голосом начала Евдокия.

– Придется нанять квартиру, – перебил Рунский, – ведь наш дом после смерти отца и моего исчезновения был продан.

– Евгений, ты можешь, конечно, рассердиться, но я тебя никуда не пушу.

Зашла Маша, неся поднос с чаем.

– Спасибо, как кстати. Приготовь для господина Горина одну из комнат второго этажа. Только протопите хорошенько, там ужасно сыро, – распорядилась Евдокия. Рунский в недоумении смотрел на княгиню, а она невозмутимо пила чай.

– Евгений, что ты так смотришь? Неужели ты мог подумать, что я позволю тебе подвергать себя опасности? – произнесла Евдокия, протягивая Рунскому чашку чая.

– Мне не хотелось бы стеснять вас с Павлом. Ты только что вышла замуж...

– Не придумывай отговорок... подожди – внезапно поняла княгиня – ...ты сбежал из дома? От генерала Горина?

– Ты прекрасно понимаешь, что он ни за что не отпустил бы меня в Петербург.

– Я сейчас же напишу ему. Нет, я напишу, – встретив возмущенный взгляд друга, сказала девушка, – и сообщу Ивану Ивановичу, что с тобою все в порядке: ты в моем доме и в полной безопасности.

Евгений хотел было что-то сказать, но сдержался. Пребывая в этом новом, дотоле неизвестном ему состоянии влюбленности, он начинал всерьез задумываться о ценности собственной жизни и смиряться с положением, прежде казавшимся ему невыносимым. Раньше у него бы вырвалось: «Что же вы все опекаете меня, словно малого ребенка!», но он вдруг начал понимать, что все, кто посвящены в его дело – семья Гориных и Евдокия, многим рискуют, укрывая его, и действительно желают ему только добра.

Генерал Горин был простодушный добрый человек, находившийся под влиянием властной супруги. Он знал Евгения с рождения, очень любил его родителей и сейчас был счастлив помогать их сыну. Генеральша поначалу относилась к «фармазону» с недоверием и была недовольна его пребыванием в их доме, уговаривая мужа отправить Рунского в отдаленное имение покойного Василия Дмитриевича, но вскоре свыклась с существованием Евгения и даже по-своему полюбила его. Аглая Ивановна, добрая и приветливая с названным кузенком, также поддерживала его, как могла, но во всем семействе Гориных у него не было ни одной родной души. В Евдокии, которая во время их первого знакомства была еще пятнадцатилетнее дитя, он впервые встретил понимание. Дружба, возникшая между ними, помогала Евгению пережить первые годы своей затворнической жизни в прозаическом семействе Гориных.

– Пожалуй, я не решусь противостоять твоему упрямству, – усмехнулся Рунский, – и останусь пока у тебя.

– Вот и славно! Только не вздумай сбежать от меня, как от Ивана Ивановича. Впрочем, я все время буду дома и смогу приглядывать за тобой, – в тон другу ответила Евдокия.

Их непринужденный разговор был прерван – в дом вошел Павел.

* * *

Князь Муранов проснулся чуть свет. Он тихо, чтобы не потревожить сон обожаемой Додо, встал с постели, облачился в свой лучший костюм и надел ордена, полученные за турецкие победы. Приказав заложить карету, Павел наскоро позавтракал и, как только все было готово, выехал. Как приятно было проезжать знакомые петербургские улицы после года отсутствия! Летний сад, где он, маленьким мальчиком, гулял еще с родителями, а затем с Соней и тетушкой, вековыми деревьями и узорной чугунной оградой напомнил князю детство.

Вскоре он подъехал к Зимнему дворцу. Поднявшись по широкой комендантской лестнице, Павел без труда отыскал кабинет государя, где не раз, служа в лейб-гвардии конном полку, бывал прежде. Два дежурных офицера стояли у дверей императорского кабинета, подле которых в креслах зеленого сукна сидел молодой человек, вероятно, ожидавший своей очереди.

– Сударь, вы не подскажете, есть ли сегодня возможность попасть на аудиенцию к его императорскому величеству? – обратился к нему князь, присаживаясь рядом.

Молодой человек обернулся. Он узнал в Павле старого полкового товарища и, воскликнув «Муранов!» обнял своего друга.

– Голицын! Ты! Как же я рад! – восклицал Павел.

Увидев, как посуровели лица дежурных офицеров у кабинета его величества, молодые люди, спохватившись, понизили голоса.

– Право, Польша, что-то мы раскричались. Там у государя барон Бенкендорф с докладом, – почти шепотом проговорил Голицын и бросил многозначительный взгляд на двери императорского кабинета. – Ну, рассказывай, как твои дела.

– За этот год так многое изменилось. Ты знаешь, ma tante увезла меня в деревню, и там я нашел свое счастье.

– С этого момента, пожалуйста, поподробнее, – вставил Голицын.

– А что, собственно, я могу тебе рассказать? Я женился, – просто ответил Павел.

– Ну, ты, брат, попал! Надо же – князь Муранов, известный кутила и дамский угодник, и вдруг женился! Теперь сидишь в вольтеровских креслах в теплом шлафроке и пьешь чай подле женушки?

– Оставь шутки, Александр. Да, я женат. Но Евдокия изменила мои прежние представления о супружеской жизни.

– Давно это произошло?

– Еще нет и недели, – ответил Павел.

– А что же ты тогда делаешь здесь, в Зимнем дворце? – шутливо поинтересовался Александр.

– Приехал просить государя позволить мне поступить на статскую службу.

– Да брось! Возвращайся к нам в полк, послужим, как прежде.

– Нет, я теперь решил пойти по гражданской, – начал Павел. В тот момент дверь императорского кабинета отворилась, и из него вышел высокий генерал в голубом мундире, увешанном аксельбантами и орденами. Это был барон Александр Христофорович Бенкендорф, шеф жандармов, начальник третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Он, и не взглянув на молодых людей, гордой поступью направился по коридору.

– Князь Голицын, штабс-капитан лейб-гвардии конной артиллерии, – доложил флигель-адъютант Сергей Безобразов и, услышав царственное «Проси», пригласил Александра войти в кабинет.

Павел остался один дожидаться своей очереди. Он непривычным взором принялся рассматривать пышное убранство, окружавшее его: старинные вазы, картины. Так прошло с четверть часа, по прошествии которых Голицын вышел из кабинета. Услышав от друга «Я дождусь тебя», Павел, немного волнуясь, произнес, обращаясь к Безобразову: «Князь Муранов... с прошением», и через полминуты он уже входил в императорский кабинет.

Государь Николай Павлович, имея тридцать пять лет отроду, был очень высоким, хорошо сложенным мужчиной с рыжеватыми волосами и пронзительными светло-голубыми глазами. Его взгляда не мог выдержать даже всесильный генерал Бенкендорф. Павел, шаркнув каблучком, поклонился:

– Ваше Императорское Величество, благодарю за то, что вы сооблаговолили принять меня. Позвольте мне изложить вам мою нижайшую просьбу.

– Что же, излагайте, – кивнул император.

– Нижайше прошу вас позволить мне поступить на статскую службу, – сказал Павел, – куда Вашему Императорскому Величеству будет угодно, – добавил он.

– Отчего же не хотите вернуться в свой полк? – император, поднявшись с кресел, подошел к Павлу и прямо посмотрел ему в глаза – Я помню, как отлично вы проявили себя в турецкой кампании двадцать девятого года.

– Благодарю вас, государь, но дело в том, что я женился.

– Женились? – с сомнением в голосе произнес император – он не считал это препятствием для военной службы. – Кто же ваша супруга?

– Урожденная княжна Озерова, Евдокия Николаевна.

– Озерова? Ни дочь ли того Озерова, что отличился в двенадцатом году? Павел кивнул.

– Помню, помню, ваш тесть также, пойдя войну, поступил на гражданскую службу.

Кстати, где он сейчас?

– В Петербурге, Ваше Величество.

– Передайте князю, что я хочу его видеть.

– Всенепременно, Ваше Величество.

– Что же касается вас... я подпишу указ о назначении вас чиновником для особых поручений при министерстве внутренних дел в чине... коллежского секретаря.

– Вы слишком добры ко мне, Ваше Величество. Я не смел надеяться...

– Полноте, князь. Я ценю людей, проявивших себя во славу царя и отечества. Что ж – по статской, так по статской. Хотя, отличный воин, – с некоторым сожалением произнес император. – До свидания, князь. Надеюсь вскоре видеть вас во дворце, – сказал он, давая понять, что аудиенция окончена. Павел вышел из государева кабинета. У дверей его ждал Александр Голицын, устремивший на друга вопрошающий взор.

– Что сказал государь?

– Я назначен чиновником для особых поручений при министерстве внутренних дел! Вот уж не ожидал, что император окажется в таком прекрасном расположении духа.

– За это тебе следует благодарить меня, – важно сказал Голицын, – вероятно, это мой доклад так обрадовал государя.

– В таком случае, низкий поклон вам, князь, – шутливо говорил счастливый Павел, спускаясь вслед за другом по комендантской лестнице.

* * *

«Она весела, она улыбается. Черт возьми, также, как и мне», – пронеслось в голове Павла, увидевшего Евдокию и Рунского.

– Здравствуйте. Евгений. Какими судьбами? – вслух сказал князь, приветствуя гостя.

– Добрый день, Павел. Мне бы не хотелось... – начал Рунский, вставая с кресел и пожимая ему руку.

– Если не возражаешь, я сама все расскажу, – прервала Евдокия и, увидев, как утвердительно кивнул Рунский, взяла мужа за руку и увлекла за собой. В нескольких предложениях она рассказала ему о причине появления Рунского в Петербурге.

– Вот почему Соня была так задумчива в дороге, а я и не придавал этому значения. – произнес Павел, не знавший еще наверняка, как ему принимать такие вести – Евгений может оставаться в нашем доме, сколько ему будет угодно, – уточнил он. Порыв ревности унялся в нем так же внезапно, как и возник.

– Половина первого! Мы же опоздаем на помолвку Миши! – воскликнула Евдокия, взглянув на часы Павла – Поедем скорее.

– Евгений, мы должны ненадолго уехать. Пожалуйста, никуда не выходи, – произнесла княгиня, уже одетая проходя гостиную. – Скоро будет готова твоя комната, располагайся.

Рунский хотел было что-то сказать, но Мурановы поспешно вышли во двор и, сев в карету, которая с приезда Павла оставалась заложенной, приказали на Большую Мильонную. По дороге князь рассказал жене о своем визите к государю, немало ее обрадовав, и вскоре они уже подъезжали к дому родителей Евдокии.

IV

В особняке Озеровых царила суэта. Дело было в том, что еще ранним утром в Петербург приехали Иван Иванович и Зинаида Андреевна. Все уже было сказано и между Аглаей и родителями, и между Гориными и Озеровыми. В результате Ивану Ивановичу, Аглае и всему княжескому семейству удалось добиться согласия Зинаиды Андреевны на брак дочери с Михаилом. Помолвку, на которую уже были приглашены Павел и Евдокия, решили не откладывать, а свадьбу перенесли на последние числа мая.

Когда доложили о приезде князя и княгини Мурановых, все вопросы между родителями жениха и невесты были уже улажены. Павел и Евдокия немало удивились присутствию Гориных, но, как того требовали приличия, поприветствовали их и спросили только, как они доехали.

Кажется, все в сборе – произнес Николай Петрович и, увидев, что все действительно готовы, вышел и вскоре вернулся, неся образа Николая чудотворца и Казанской богоматери.

Михаила и Аглаю благословили. Невеста подала жениху руку. По прошествии сего торжественного обряда завелся оживленный разговор о приданом и свадебной церемонии, в котором самое живое участие принимали Варвара Александровна и Зинаида Андреевна. Обручен-

ные же, скучая, сидели рядом и молча кивали – от долгожданной даты их теперь отделяли долгие три месяца, что не могло не удручать. Прасковья говорила с отцом. Иван Иванович же, во всем полагаясь на супругу, не принимал участия в обсуждении вопросов замужества дочери. Так же он обычно поступал и в управлении хозяйством. Генерал всегда предоставлял своей супруге право распоряжаться чем бы то ни было, и Зинаида Андреевна, по существу женщина властная, с радостью им пользовалась.

Евдокия, увидев, что генерал Горин ничем не занят, решила сейчас же поговорить с ним о Евгении.

– Иван Иванович, – обратилась она к генералу, – позвольте сказать вам несколько слов. Это касается Евгения.

– Вы знаете, где он? – в несвойственном ему порыве спросил Горин, отходя вслед за княгиней к нише окна, находившегося в стороне от беседующих. Казалось, только весть о сыне покойного друга могла так взволновать его.

– Не беспокойтесь, Иван Иванович. Евгений в нашем доме, с ним все в порядке.

– Слава Богу! – обрадовался генерал, истово перекрестившись.

– Понимаю, вы, возможно, хотели бы видеть его у себя, но боюсь, что это не лучший способ смирить его порывы. Видите ли, Иван Иванович, Евгений очень тяготится своим положением, лишаящим его полной свободы. Поэтому он и здесь, в Петербурге. Уверяю вас, он благодарен вам за заботу, но, все же ему, тридцатилетнему мужчине, хочется чувствовать себя независимым. Но можно устроить все так, что он, чувствуя себя вполне свободным, в то же время, будет в безопасности.

– Вы хотите сказать, Евдокия Николаевна, что Евгению лучше оставаться в вашем доме?

– Да, несомненно. Простите, но, мне кажется, что совету друга он внемлет скорее, чем наставлению опекуна, – ответила девушка.

– Что ж, пусть будет по-вашему. Полагаюсь на вас, княгиня, – согласился генерал, на душе которого стало спокойнее. Он столько волнений пережил в последнее время – сначала сбежала дочь, затем Рунский, и лишь теперь все, казалось, разрешается лучшим образом.

Евдокия подошла к мужу и застала его разговаривающим с Николаем Петровичем. Павел только что сообщил князю, что государь желает его видеть, и тот решил ехать в Зимний сегодня же. Варвара Александровна, узнав, что муж отправляется к императору, радостно шепнула Михаилу: «Мне почему-то кажется, что папенька получит достойное назначение». Вскоре карета была готова, и Николай Петрович, облаченный в парадный мундир с орденами двенадцатого года на груди, приняв благословения перекрестившей его жены и объятия детей, вышел во двор.

Составляя с маменькой список гостей, Михаил вдруг вспомнил, что уже пригласил Ветровского на завтра.

– Нужно обязательно съездить к Егору Ильичу и сообщить, что свадьба переносится, – сказала сыну Варвара Александровна.

– Мама, а может быть, мы с Павлом съездим к г-ну Ветровскому, – предложила Евдокия, – тогда вам не придется отвлекаться от приготовлений. Ты не против? – спросила она у мужа. Павел был согласен, и уже решено было, что Мурановы поедут к Ветровскому, как доложили о приезде императорского фельдъегеря. «Может быть, что-то для Николая», – с надеждою предположила Варвара Александровна. Вскоре вошел пышноусый фельдъегерь и звучно произнес: «Пакет для князя Муранова. Велено дожидаться».

Павел недоуменно раскрыл пакет и пробежал глазами письмо. Подняв глаза, он встретил вопрошающий взгляд жены.

– Граф Бронновской, директор департамента министерства внутренних дел, вызывает меня. Я буду состоять чиновником для особых поручений при нем.

– Именно так-с, и мне велено доставить вас к нему, – так же зычно произнес усатый фельдъегерь, бросавший пламенные взоры в сторону Прасковьи.

– Что ж, придется тебе съездить к Ветровскому без меня, – одеваясь, обратился к жене Павел и вышел из дома вслед за фельдъегерем.

– Государь сегодня так внимателен к нашему семейству, – произнесла Варвара Александровна и, вспомнив о списке гостей, снова склонилась над ним.

– А я, пожалуй, поеду. Уже вечер, и, пока я доберусь, статский советник, верно, будет уже дома, – произнесла Евдокия.

– Как же ты поедешь, не зная адреса, друг мой? – шутливо спросил сестру Михаил. – Егор Ильич живет в доме №8 по Английской набережной.

– Спасибо, что вызвалась съездить, Додо. Мы же пока все уладим со списком приглашенных, – сказала Варвара Александровна. Евдокия вышла во двор и, сев в карету, которую оставил Павел, уехавший на казенной, приказала на Английскую набережную.

V

Из статских в действительные статские

Гончаров

Особняк Ветровских по Английской набережной стоял прямо над Невой. Княгиня, выйдя из коляски, невольно залюбовалась открывшимся видом реки и обрамлявшим ее гранитом, к которому спускались высокие ступени. Кругом дули ветра, и невдалеке стоявшие каменные фигуры львов, которые не сразу заметила Евдокия, в стущавшихся сумерках были торжественны и строги. Едва заметная полоса закатного солнца бросала на снежный покров реки последние отблески. Казалось, в этом уголке города было много больше от подлинного Петербурга, чем на многолюдных бульварах и шумных площадях. В освещенных окнах за шторами видны были очертания комнат, иногда – движущиеся силуэты. Дом этот показался Евдокии каким-то необыкновенным, а люди, живущие в нем, заранее вызвали живой интерес и симпатию княгини. Она впервые была в гостях у жителей столицы, и вышло так, что приехала одна, без приглашения, по стечению обстоятельств. Это несколько волновало Евдокию, и она не сразу собралась с силами позвонить у дверей.

Глава семейства, статский советник Егор Ильич, принадлежал к хорошему дворянскому роду, корни которого велись из Польши. Юношей поступил он в один из гвардейских полков, состоял несколько лет на дворцовой службе. А потом ударила гроза двенадцатого года. С отличиями пройдя войну и заграничные походы, будучи ранен под Лейпцигом, молодой Ветровский вместе со своим другом Николаем Озеровым поступил на гражданскую службу. Затем, женившись, князь Озеров с семьей уехал в деревню, а Ветровский тридцати шести лет овдовел – его супруга скончалась от скоротечной чахотки, оставив мужу троих детей. С тех пор прошло почти десять лет, дети росли, а Егор Ильич успешно получал повышения по службе. Сейчас, будучи вице-директором департамента министерства внутренних дел, он, казалось, достиг всего, что нужно человеку для счастья – благополучия и положения в обществе, и посвятил себя заботам о детях, судьбы которых еще предстояло устроить.

Евдокия, наконец, позвонила.

– Могу я увидеть господина Ветровского? – спросила она у открывшей служанки.

– Егор Ильич дома, а как о вас доложить?

– Княгиня Муранова, Евдокия Николаевна. Служанка кивнула и, приглашая войти, отправилась в комнаты.

– Постой! – остановила ее Евдокия, – скажи, что господина Ветровского хочет видеть дочь его старого друга, князя Озерова. Вскоре Евдокия уже входила в пышно убранную гостиную. Навстречу ей поднялся с кресел Ветровский.

Имея правильные черты лица, добрые светлые глаза и темные, едва тронутые сединой, волосы, статский советник выглядел моложе своих лет. Одет он был со вкусом, даже с некото-

рым щегольством, что выдавало в нем мужчину тщательно за собою и своей внешностью следящего. Ослепительно белые воротнички и манжеты свидетельствовали об аккуратности, развитой в нем чрезвычайно. Визит Евдокии оторвал его от чтения французского издания «Санкт-Петербургского журнала».

– Егор Ильич, добрый вечер, – произнесла Евдокия через несколько секунд, в течение которых они безмолвно разглядывали друг друга. – Вы, верно, не узнаете меня?

– Евдокия Николаевна, как же мне вас не узнать? – искренне обрадованный хозяин дома склонился к ее руке. – У вас глаза отца.

Внезапное появление этого существа как-то странно взволновало Ветровского. Он сам еще не знал, как обозначить это чувство, как теперь нести его. Сдержанность и хладнокровие, воспитанные войной и долгой чиновничьей службой, помогли ему справиться с первым порывом, но он не мог неуловимо не измениться в лице.

– Вам было не более осьми лет, когда я в последний раз видел вас, – с улыбкой произнес он, прерывая затянувшееся молчание. А сам пытался думать о чем угодно, кроме кудрявой темноволосой девочки, что сидела когда-то у него на коленях и играла орденами. Удивительно, как эта картина вдруг высветилась в его памяти, до того не давав о себе знать рядом с другими, казалось, более значимыми воспоминаниями?

– Я приехала к вам по поводу свадьбы моего брата. Михаил пригласил вас, не так ли? – начала ни о чем не подозревавшая княгиня.

– Да, а разве что-то изменилось?

– Венчание состоится лишь в конце мая – так условились с родителями невесты. Простите, если это послужило причиной вашего беспокойства.

– Что вы, пустое, – Ветровский, казалось, сумел взять себя в руки.

– Отец хотел посетить вас, но он поехал к государю. Император сам пожелал видеть его.

– Мне что-то подсказывает, что ваш отец непременно получит назначение на службу в столице.

– Да, мы тоже очень на это надеемся. Прошу вас завтра отобедать с нами в доме рара, – после небольшой паузы произнесла Евдокия. – Я не говорила ему об этом, но, думаю, он будет очень рад вас видеть.

– Барин, там Владимир Егорыч приехали... – доложил вошедший камердинер. Вскоре в гостиную вошел высокий молодой человек лет восемнадцати, статный и красивый собою. Мундир темно-зеленого сукна выдавал в нем студента. Черты Владимира Ветровского, в особенности глаза, являли необыкновенное сходство с отцом. Молодой человек учился на философско-юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Ветровский хотел видеть сына чиновником-законоведом, но сам Владимир с детства имел стремление к военной службе. Хотя сейчас, недавно поступив в университет, он увлекся учебой и почти забыл о прежних планах.

– Евдокия, это мой сын Владимир. Вы помните его? – И тут же обратился к сыну – Володя, ты, верно, помнишь Мишу, Пашеньку и Додо – детей князя Озерова, с которыми играл в детстве? Не узнаешь ли теперь старшей княжны в этой очаровательной молодой даме?

– Рад видеть вас, Евдокия Николаевна, – звонко стукнул каблуками Владимир и поцеловал руку княгини, невероятно гордый тем, что ему представляют даму – молодой Ветровский еще не бывал в большом свете. – Вы отужинаете с нами? Евдокия согласилась. Озеровы и Ветровские давно дружили семьями, и девушке была приятна встреча со старинным другом ее отца и его детьми, товарищами ее детских игр.

– Пойдемте же в столовую, – сказал хозяин дома. Евдокия и Владимир последовали за ним.

К ужину спустилась старшая дочь Егора Ильича. Она была похожа на отца. Темные волосы и серые глаза делали Пелагею настоящей северной красавицей. Но кроме классической

русской красоты, в девушке было что-то, выделявшее ее в толпе прочих хорошеньких барышень – печать живого ума, одухотворявшая правильные черты ее лица.

– Здравствуйте, – присела в реверансе Пелагея, не узнавшая в княгине подруги детства.

– Пельяжи! – обратился к девушке подошедший брат, – неужели не узнаешь Евдокии?

– Это вы? Как же я рада вас видеть! Я, право, совсем не узнала вас.

– И я, признаться, также, – пожимая руку девушки, произнесла Евдокия, – вы так выросли, Пелагея Егоровна.

– Прошу за стол, – приглашал старший Ветровский.

За ужином, после обыкновенных расспросов близко знакомых людей, давно не видевших друг друга, зашел разговор о назначении на службу Михаила.

– Я думаю дать вашему брату место помощника столоначальника, – обратился к Евдокии Ветровский, украдкой почти не сводивший с нее глаз.

– Благодарю вас, Егор Ильич, за участие, которое вы принимаете в моем брате. Еще я хотела бы спросить вас о графе Броновском. Мой муж назначен при нем чиновником для особых поручений.

– Граф – мой старинный приятель. Но вам, вероятно, хотелось бы знать, в чем будут состоять обязанности вашего супруга? Ветровский угадал, о чем действительно хотела узнать Евдокия, но не спросила, чтобы не утомлять Егора Ильича долгими объяснениями. Немного смутившись, она кивнула.

– Ваш супруг, не имею чести знать его имени...

– Павел Сергеевич, – подсказала Евдокия.

– Павел Сергеевич поступил на весьма неплохую для начинающего чиновника должность. К тому же, он ведь был назначен самим императором. И я в свое время был чиновником для особых поручений: в этой должности молодые люди пользуются относительной свободой, им можно и не являться на службу с самого утра. Но, возможно, вас огорчит то, что вашему супругу придется часто бывать в провинции – собственно, сами «особые поручения» часто бывают связаны с поездками.

– Что ж, это не так уж и плохо. Я последую за Павлом куда угодно, – проговорила Евдокия.

Ветровский, удивленный ее словами, хотел было что-то ответить, но вошел камердинер и протянул ему конверт. Егор Ильич пробежал глазами лист гербовой бумаги, в котором содержался следующий императорский указ: граф Броновской назначался сенатором, Ветровский – действительным статским советником и директором департамента министерства внутренних дел. А вице-директором становился Николай Петрович Озеров. Также утверждалось назначение Павла Сергеевича Муранова чиновником для особых поручений, только теперь – при действительном статском советнике Ветровском.

Егор Ильич – он и не подумал о том, что вознаграждено его четырехлетнее старание, что из высококордия он превратился в превосходительство и получил давно ожидаемое место. Он не вспомнил и о своем друге князе Озерове. Одна мысль, неотвязчивая и безуспешно гонимая, почти преступная мысль овладевала им: отправить Муранова как можно дальше из Петербурга, дать ему поручение, исключаящее возможность ехать с женою...

– Что там, рара? – вопрос Пелагеи прервал размышления Ветровского. Он поднял глаза от письма и встретил взгляд Евдокии. Эти кроткие и, в то же время, строгие очи, казалось, утверждали его намерение и тут же прогоняли его прочь. «Как можно было так думать? – Как можно ее не любить?» Ветровский не мог разобраться, на какой вопрос он знает ответ.

– Дурные вести? – очередной вопрос, заданный, на этот раз, Евдокией, окончательно привел его в себя.

– Отчего же дурные? – теперь он прямо взглянул на нее.

– Вы так изменились в лице, – произнесла она.

– Право, отец, скажите, наконец, что в этом письме! – нетерпеливо воскликнул Владимир.

– Читайте, – Ветровский протянул сыну бумагу. Владимир и Пелагея склонились над ней.

– И вы прочтите, Евдокия Николаевна, – предложил Владимир. Та покачала головою.

– Это распоряжение императора. Там есть и о вашем отце, – произнесла Пелагея.

Ее слова убедили Евдокию присоединиться к чтению.

– Поздравляю вас, папенька! С новым назначением, – обняла отца Пельяжи.

– Вы теперь будете первым в министерстве, а мой отец... – начала Евдокия.

–... Будет моей правой рукой, – произнес Ветровский, меньше всего сейчас думавший о службе.

Остаток ужина так и прошел в обсуждении нового императорского указа. Вскоре Евдокия заторопилась домой.

– Непременно приезжайте завтра отобедать с нами. Отметим и ваше повышение, и назначение отца, – прощалась княгиня с хозяином дома. Ветровский с усилием отпустил ее руку, прильнув к ней долгим поцелуем.

– Конечно же, я приеду, – произнес он вслух. «Только затем, чтобы вновь видеть вас», – последовала мысль, и Ветровский проводил Евдокию, с тяжелым сердцем отойдя от двери, которая закрылась за нею. А она, радостная и беспечная, ехала домой, даже не догадываясь, причиною скольких сердечных волнений является. Она, молодая княгиня, но еще ребенок душою, в этом огромном незнакомом городе.

* * *

Павел, новопроизведенный чиновник для особых поручений, недавно вернувшийся из министерства, куда так же был прислан пресловутый императорский указ, ждал жену в гостиной первого этажа. Уже стемнело, и князь начинал волноваться. Услышав звук подъезжающей кареты, он устремился к двери.

– Додо, я давно жду тебя, – с легким упреком произнес Павел.

– Прости, я задержалась у Ветровских – ты, наверное, сам знаешь, почему... Папенька – вице-директор департамента! – глядя на мужа сияющими от радости глазами, воскликнула Евдокия. – А ты – мой чиновник для особых поручений!

Павел рассмеялся и обнял жену. Он уже не сердился ее позднему приезду.

А над ними, облокотившись на перила лестницы и глядя вниз, стоял Рунский, глубоко о чем-то задумавшийся.

«... У меня не было родных братьев и сестер. В Александре Бестужеве нашел я брата, в Евдокии – сестру. До недавнего времени я не мыслил счастья для себя, и существование мое составляли три самых близких мне человека: отец, но его уже нет, Александр – я даже не знаю, что с ним теперь, и Евдокия, счастье которой было бы и моим счастьем.

Павел мне показался слишком простым... и не вполне достойным ее. Но, видя, как искренне она привязалась к нему, я промолчал об этом, не сказал ей ни слова. Я всерьез сомневался, что он сможет сделать ее счастливой, но не посмел омрачить безоблачной мечты этого великодушного ребенка.

Теперь я гляжу на них, и кажется: оба они счастливы. Но какое-то смутное предчувствие не дает мне покою – я будто знаю наперед... Что-то непременно произойдет – такая натура, как она, не сможет долго быть счастливой с таким человеком, как Павел. В нем слишком много поверхностного, показного. Уверен, он еще проявит себя, только, боюсь, будет уже поздно. Я сторонюсь этой мысли, но она не отступает – Евдокия не будет счастлива. Полно, о чем я, сделался знатоком человеческого счастья – пытался одернуть себя Рунский, но мысли эти не давали ему покою. – Случается и так, что те, кто назначены друг другу судьбою, живут и не догадываются один о другом. Но, возможно, они и встретятся, только слишком поздно,

когда цепи, наложенные судьбою, уже не позволят им быть вместе – такой участи боюсь я для Евдокии...

Но ведь должны быть и исключения! Неужели никогда не случится так, что два человека с душою найдут себя один в другом? Если такое возможно, то, мне кажется, чтобы понять это, им будет достаточно одного взгляда, одного слова...»

Рунский, в точности описывая историю своей встречи с Софьей, даже не замечал этого – настолько слаба в нем еще была вера в собственное счастье.

VI

В высоком дортуаре Смольного монастыря, на жесткой институтской кровати, сидели две девушки. От промозглого мартовского холода едва спасало тонкое шерстяное одеяльце, наброшенное на их плечи. Одна из смолянок была Софья Муранова, другая – лучшая подруга княжны, Надежда Ветровская.

Надина, как звали ее институтки, была очаровательное семнадцатилетнее создание. Она унаследовала в равной степени черты обоих родителей и отличалась редкой, правильной красотой. Наденька была первою ученицей, гордостью института. Императрица Александра Федоровна прочила ее во фрейлины, и девушка, не лишенная честолюбия, уже видела у себя на груди осыпанный бриллиантами шифр.

Ее подруга Софи также училась весьма успешно и могла надеяться на звание фрейлины: она занимала по успеваемости третье место, после Нади и Натали Вельской, обедневшей дворянки, упорно стремившейся попасть в штат императрицы – другой возможности увидеть большой свет у нее быть не могло.

Учились девушки прекрасно, но жилось им не так уж и легко. Как ни странно, но в самом привилегированном из институтов благородных девиц, Смольном, условия жизни были далеко не лучшими. Плохо оттапливаемые дортуары, вмещавшие ряд из девяти железных кроватей и туалетных столиков между ними, напоминали скорее казармы, чем жилища юных девушек. Строгость распорядка дня, суровость классных дам и редкие свидания с родными, трудности в учении и волнения сердца – все это сближало юных существ между собою и порождало культ институтской дружбы.

Такая искренняя привязанность, длившаяся с самого первого года обучения и зародившаяся еще у восьмилетних детей, продолжалась и по сей день между двумя молодыми девушками – Софьей Мурановой и Надеждой Ветровской. Обе они были отданы в институт, в общем-то, по одной причине. Тетушка Сони, Вера Федоровна Загряжская, на руках которой княжна осталась после смерти родителей, не имела опыта в воспитании детей и решила отдать племянницу в одно из самых лучших учебных заведений Петербурга – Смольный монастырь, как он раньше назывался. Егор Ильич Ветровский, отец Наденьки, овдовел, когда ей было восемь лет. Он также был обеспокоен тем, что не сможет в одиночестве дать дочери должного воспитания, и маленькая Надя была отдана в институт. Девочки и сошлись, найдя много общего в судьбах друг друга.

Софья принадлежала не только к знатному, как и все смолянки, но и очень богатому роду, что делало ее предметом особого отношения начальства и, следовательно, некоторой неприязни институток. Когда девушку отпустили на целую неделю домой, что вообще противоречило уставу, зависть сверстниц еще более усилилась. Одна только Наденька не изменила своего отношения к княжне.

Уже несколько дней Софью тревожила одна мысль: рассказать или не рассказать? Надя давно заметила: что-то произошло с подругой – она стала задумчивой, порой рассеянной. Но девушка и не догадывалась, какой переворот произошел в душе Софьи всего за неделю отсутствия.

Да, чувство к Рунскому в эти несколько дней разлуки все росло и теперь, казалось, наполнило все существо Софьи. Так, что девушке непременно нужно было с кем-то поделиться

своею радостью и, одновременно, печалью. Хотя сейчас счастье ее было полным – совсем недавно осознав, что любит, и еще не начав скучать в разлуке, Софья уже имела ценнейшее, что может быть в ее случае – письмо любимого.

«Все же я не буду ничего скрывать от Nadine и расскажу ей о нем. Она же не утаила от меня, что любит Петра Александровича... только я назову его Гориним – это же не будет обманом», – решала Соня.

Да, Наденька тоже была влюблена, причем в институтского профессора российской словесности, Петра Александровича Плетнева. Это было не то традиционное «обожание», распространенное среди институток, каждая из которых выбирала себе «предмет» – сначала из числа старших воспитанниц, а затем из учителей, но первое настоящее чувство, скрываемое Наденькою ото всех, кроме ее наперсницы Сони. Профессор Плетнев вел российскую словесность не только в Смольном, но и двух других институтах благородных девиц – Екатерининском и Патриотическом, так что вне занятий Наде редко приходилось видеть его, что очень печалило девушку. Но от доверительного разговора в тиши дортуара становилось не так тоскливо, тем более, что Соня всегда готова была выслушать подругу, сколько бы она не говорила об обожаемом Плетневе.

Княжна было собралась с духом, чтобы открыться Надине, как в дортуар влетела Анечка Тольская, маленькая пухловатая блондинка в смешных белокурых кудряшках, несмотря на свои восемнадцать, глядевшаяся абсолютным ребенком.

– Mesdam'очки, сейчас дадут звонок на прием, что же вы сидите здесь? Муранова, Ветровская – вы же дежурные! – воскликнула девушка и также торопливо, как и вбежала, выпорхнула из дортуара и понеслась по коридору к лестнице.

Софья и Надя, совсем позабывшие о времени, поспешили спуститься вниз, оправляя на ходу белые «воскресные» передники. На середине класса, в котором множество институток ожидали прихода родных, уже стояла шеренга девушек: Натали Вельская, Оленька Зорич и другие «парфетки», то есть лучшие по поведению и учению смолянки. Раздался звонок, с которым Софья и Надя вбежали в класс и, встретив несколько неодобрительных взглядов, заняли свои места. Сразу же вереница парфеток двинулась ко входу в приемную залу. Девушки, которые должны были вызывать из класса ту или иную счастливицу, чьи родители появятся – это считалось очень почетной обязанностью – сели на скамейку у дверей.

Залу уже наполняла пестрая толпа взрослых – часть того, большого, мира, выхода в который с таким нетерпением ждали юные затворницы. Софья, узнав мать Зои Ренской, поспешила в класс вызвать девушку. А Надя, увидев подходивших к ней отца и сестру, вскочила со скамейки и быстрыми шагами поспешила к ним навстречу. Софья же снова присела, вглядываясь в толпу и ища глазами брата и невестку. Павел недавно писал сестре о том, что в ближайшее воскресенье он навестит ее вместе с Евдокией. Вот Александрина Мильская, увидев отца и брата-гимназиста, оставила скамейку дежурных. Вскоре встретила мать и Вера Соловьева. Софья, в числе немногих парфеток, дожидалась своих родных.

«Братец!» – глаза княжны, наконец, нашли того, кого давно искали. Но они увидели и того, о встрече с которым здесь и сейчас девушка не могла и помыслить. Рядом с Павлом, державшим об руку жену, к Софье приближался он, Рунский – тот, кто занимал все ее мысли со дня их первой встречи. На мгновение девушку охватило какое-то безудержное восторженное чувство, и, повинуясь ему, не видя вокруг ни белых платьев подруг, ни пестрой толпы их родных, ни брата и его жены, ей захотелось бежать, чтобы рассказать, как она любит его. Но княжна, воспитанница Смольного института, выступила вперед, оставив где-то далеко-далеко в глубине сердца просто Соню Муранову, и девушка, встав со скамейки, твердым, как ей казалось, шагом, направилась к Павлу, Евдокии и Рунскому, чтобы, как подобает, поприветствовать их. Однако сдержанность мгновенно сменила искренняя радость, отразившаяся в глазах Софьи, когда она встретила откровенно восторженный взгляд Рунского.

– Мы привезли вам кое-каких лакомств, – поприветствовав девушку, произнесла Евдокия и протянула ей внушительных размеров сверток.

– Благодарю вас, – говорила, принимая, Соня, глаза которой невольно были устремлены на Рунского.

Павел, заметив это, едва удержался от улыбки и проговорил: «Не будем мешать вашему разговору», отошел вместе с женою на несколько шагов от Рунского и Софьи – так, чтобы окружающим не было заметно их tet-a-tet.

– Зачем вы здесь? В столице вы подвергаетесь такой опасности, – вполголоса начала Софья, но Рунский остановил ее.

– Никакая опасность, слышите! – никакая, не сможет устроить меня, если я буду иметь надежду на счастье видеть вас. Я ставил документы на имя Горина в имении генерала.

Софья, не сдержавшись, ахнула.

– Вы сознательно идете на гибель? – совсем тихо спросила она, глядя в лицо Рунского расширенными от ужаса глазами.

– Нет-нет, напротив, – поспешил успокоить ее Евгений, – моя жизнь с недавнего времени возымела смысл, я вовсе не ищущ смерти или неволи.

Софья догадалась, в чем состоит этот открывшийся смысл по красноречивому взгляду Рунского.

– Как же вы будете жить здесь, в Петербурге, без документов?

– Если случится, что меня арестуют...

– Нет, я прошу вас, не говорите так, – взмолилась Софья.

– Нельзя исключать этого. Без документов я рискую только собой, своею свободой. Но жандармы прекрасно знают, как я выгляжу, им известна моя настоящая фамилия. Будь у меня документы на имя Горина, Ивана Ивановича постигло бы наказание. Он столько для меня сделал, а я, мало того, что сбежал от него, еще стал бы подвергать его опасности?

– Простите, я так глупа, я и не подумала об этом.

– Нет, просто вы – юная, невинная девушка, а я – государственный преступник, – с горечью произнес Рунский.

Последние слова, произнесенные им в такой безысходности, дали Софье силы на признание.

– Вы давеча говорили, что рискуете только собой и своею свободой. Знайте же: это не так, вы рискуете и мною, счастьем всей моей жизни, – на одном дыхании проговорила она.

– Софья, милая Софья, скажите же, что вы любите меня, и вы сделаете меня счастливейшим из смертных...

Пронзительный звонок, прокатившийся по высоким институтским сводам, возвестил окончание приема и прервал восторженную речь Рунского. Софья, в одно мгновение вспомнившая, где она, тихо проговорила: «Неужели вы можете в этом сомневаться?..»

Пестрая толпа хлынула к лестнице. А двое стояли посреди этого движущегося потока, глядя друг другу в глаза, будто бы стараясь наглядеться перед предстоящей разлукою.

Евдокия, заметив, что зала пустеет, поспешила приблизиться к Рунскому и Софье, чтобы их уединение не бросалось в глаза. Княжна сняла с шеи ладанку, с которою никогда не расставалась, и протянула ее Рунскому со словами: «Возьмите это и знайте: рискуя собой, вы ставите под угрозу наше счастье. Будьте осторожны». Сказав это, девушка вышла из залы. Недоуменный, еще не до конца сознающий волшебства происходящего, Рунский, стоял посреди пустеющей залы, прижимая ладанку к сердцу. Евдокия взяла его за руку. «Дуня, друг мой, я любим, я счастлив!» – повторял он, обнимая княгиню. И она не скрывала от радости.

Лишь Павел не разделял их чувств – он стоял в стороне и мрачно смотрел на Рунского. Если ревность его уже не терзала, то отеческое чувство, с детства развитое в нем по отношению к Софье, негодовало. Государственный преступник без документов и положения, со скромным

состоянием, уже не казался ему подходящей партией для сестры. Если сначала он воспринял чувство Рунского к Софье как необходимое ему доказательство того, что он не любит Евдокию, то теперь, когда порыв ревности прошел, он понял, что никогда не желал для своей сестры подобной будущности. Княжеская гордость заставила его пообещать себе, что он не допустит этого союза.

А Евдокия, ничего не подозревавшая об этом, подошла к мужу и взяла его под руку. Они направились к выходу из залы. Рунский шел в некотором отдалении, весь погруженный в свои мысли, теперь такие радостные и восторженные.

Перед огромным зданием Смольного толпились отъезжающие. Ветровский помогал дочери Пелагее усесться в карету. Он уже было собрался сесть рядом с нею, как заметил в толпе ту, которая уже несколько дней занимала все его мысли, сны, мечтания, заставляя вспоминать то счастливое время, когда волнения сердца составляли большую часть всего существования.

– Пелагея, подожди немного, я скоро вернусь, – проговорил Егор Ильич и, легко соскочив с подножки кареты, углубился в толпу. Движениям его приобрели вдруг какую-то молодеватую легкость.

Евдокия также заметила приближавшегося Ветровского, и ее охватило тяжкое волнение. Третьего дня, в доме отца, куда она сама пригласила Егора Ильича, княгиня начала замечать, как долго и внимательно он смотрел в ее сторону. У нее зародились какие-то смутные догадки, которых она сама же испугалась.

– Павел Сергеевич, – поклонился он князю.

– Евдокия Николаевна, – слишком долгий поцелуй руки заставил княгиню вновь задуматься.

– Не ожидала встретить вас здесь, – проговорила она.

– Я то же могу сказать и вам, – ответил Ветровский.

– Мы приезжали навещать мою сестру – она заканчивает курс в этом году, – холодно сказал Павел. После встречи Софьи и Рунского он был не в духе.

– О, моя Наденька также, – ответил Ветровский.

– Ваша младшая дочь уже такая взрослая? – удивилась Евдокия. – Ах да, она же ровесница моей Пашеньке.

– Может быть, отобедаете с нами? – предложил Егор Ильич. Евдокия хотела было согласиться, но Павел сказал, что они сегодня уже званы на обед и почти опаздывают. Ему хотелось серьезно поговорить с женою о Рунском. Ветровский вынужден был откланяться. С тяжелым сердцем он сел в карету подле дочери и приказал домой.

– Вы чем-то расстроены, рара? – спросила проницательная Пельяжи.

– Пустое, Пелагея, – ответил он, а сам думал: «Все же нужно найти для этого несговорчивого князя какое-нибудь особое поручение...»

* * *

– Зачем ты солгал Ветровскому? Мы никуда не торопились, – спросила мужа Евдокия, когда они остались наедине.

– Мне нужно поговорить с тобой. Я вижу, как ты сочувствуешь своему другу и моей сестре в их... как бы это сказать...

– Они любят друг друга. Ты сам это видишь и понимаешь. Если Евгений кажется тебе недостойным Софьи, так прямо и скажи.

– Да, если быть честным, я представлял себе будущее моей сестры несколько иначе. Она еще слишком молода и не понимает, на что обречет себя, став его женой.

– На что же? Они не смогут жить в столице, бывать в обществе, но разве это – главное?

– Допустим, они поселятся в М-ске, но их дети? Какое будущее их ждет с отцом без документов и положения?

– Но неужели мы не поможем им, Павел? – заглянула в его глаза Евдокия. Князь, не нашедший, что более сказать, не стал спорить с женою. Но, оставаясь при своем мнении, уклончиво ответил:

– Даже если я соглашусь, тетушка никогда не благословит этого брака.

Но Евдокия, к его изумлению, ничуть не огорчилась этому обстоятельству. «Уж кто-то, а Вера Федоровна знает, что такое настоящее чувство, и не станет чинить препятствий Софье и Рунскому», – подумалось ей.

VI

I

«Как же прекрасна жизнь!» – думал князь Михаил Николаевич Озеров, сидя с гитарой у распахнутого окна дома на Мильонной. И действительно, молодому человеку было чему радоваться: землю освещало высоко стоявшее майское солнце, воздух был напитан упоительными ароматами распускающихся почек, лед на Неве почти сошел, а долгожданный день свадьбы приближался. Напевая, Михаил уносился душою к небольшому коломенскому домику, где у окна так же сидела его невеста Аглая. Она, по настоянию Зинаиды Андреевны, вышивала наволочки для приданого. В этом занятии генеральская дочь проводила целые дни, потому как наволочек за нею давалось немало.

Прошло два с лишним месяца холодной петербургской весны, в течение которой зима не раз возвращалась. Но в последнюю неделю мая установилось, наконец, тепло, и свадьбы Михайлы и Аглаи была назначена на ближайшую пятницу. Несмотря на безоблачную погоду, время было беспокойное: чего стоила одна *holera-morbus*, прокатившаяся по Новгородской губернии. Не исключалось ее появление и в Петербурге, так что многие жители столицы собирались перебраться на лето в Царское Село, Павловск или Гатчину.

Волновало и польское восстание, продолжавшееся еще с ноября прошлого года. Повстанцы захватили власть в Варшаве, а русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Дибича пытались водворить порядок в Царстве Польском. Все гвардейские полки покинули Петербург. Отправились в Польшу и поручик Алексей Григорьевич Мирский в рядах своего армейского полка, и корнет Денис Инберг, служивший в гусарском полку. По случаю всех этих событий балы не проводились, к немалому огорчению Прасковьи, чье представление в большой свет откладывалось на неопределенный срок.

С приближением конца мая нарастало волнение в Смольном перед итоговыми экзаменами и предстоящим выпуском. Рунский навещал Софью каждый приемный день, приезжая в институт вместе с Евдокией. Павел же, остававшийся решительно против возможного брака сестры, к ним не присоединялся. Евдокия, видевшая, что Евгению тягостно его неприязненное отношение, с трудом удерживала друга в своем доме.

Ветровский по-прежнему искал встреч с княгиней, а если таковые случались, тщетно пытался найти возможность остаться с нею наедине и открыть свои чувства. Это не укрылось от глаз Пелагеи, девушки умной и проницательной. Возобновив детскую дружбу, они легко сошлись с Евдокией. Пелагея ценила в княгине женщину мыслящую и чуждую светских условностей, каких в Петербурге встретишь нечасто. Чувство к ней ее отца, трагичное в своей безнадёжности, печалило девушку, но не меняло ее дружеского отношения к княгине. А Евдокию очень тяготила любовь Ветровского. Она искренне уважала его, но старалась избегать возможных встреч – охлаждение отношений с мужем, происходящее из-за разногласий относительно Рунского, они могли только усилить. Отношения с Павлом уже не казались Додо столь идиллическими, какими представлялись до свадьбы. Разногласия, возникавшие между супругами, становились неизбежными – все-таки, Павел и Евдокия были людьми слишком разными. Если ее печалила смерть Дельвига, о которой, случившейся еще четырнадцатого января, она узнала совсем недавно, то муж не понимал ее горести. «Мы же совсем не знали этого человека», – удивлялся он. Для него это был всего лишь один из сочинителей, Евдокия же, выросшая на

стихах Дельвига, восприняла его кончину как личное горе. Она, напротив, не понимала стремления Павла к большому свету и того, как ему не хватало балов и развлечений. Но теперь, пока светские мероприятия не проводились, хотя бы в этом отношении супругов могли быть спокойными.

Но все же с недавнего времени Евдокию не оставляло смутное ощущение внутренней пустоты. Это было похоже на разочарование, хотя пока она не могла дать себе отчета в этом чувстве. Теперь, когда первые восторги любви прошли, княгиня начинала осознавать, что Павел не способен заполнить эту пустоту так, как ей бы хотелось. Она слишком много полагала на это замужество, но подлинную радость по-прежнему искала в дружбе – беседах с Рунским, а теперь и Пелагеей. Рядом с Евгением она понимала, что такой близости, как с другом, с мужем у нее нет.

Горины поселились в Коломне, сняв там небольшой деревянный дом. Они не имели своего жилья в столице и не собирались здесь обосновываться. Иван Иванович и Зинаида Андреевна, сыграв свадьбу дочери, намеревались вернуться в свою деревню. Пока же подготовка к предстоящему браку Аглаи под руководством генеральши шла своим чередом.

В Петербург приехала Вера Федоровна Загряжская, заскучавшая одна в имении. Она заняла свои апартаменты, в том числе, и упомянутый будуар. А Евдокия никак не решалась заговорить с нею о Софье и Рунском, несмотря на просьбы последнего. Решение молодого человека просить руки княжны, давно принятое, постепенно приобретало для него желанную осуществимость. Он видел, как с каждой встречей растет в Софье ответное чувство, становится уже большим, чем полудетская привязанность. И только неопределенные ответы Павла Евдокии, печалившее и ее, и Евгения, омрачали его восторженное настроение последних дней. Княгиня радостно удивлялась переменам в друге: исчезли его бледность и худоба, прежде пугавшие, взгляд стал ясным и светлым, а блеск, прежде появлявшийся на глазах лишь в минуты воспоминаний юности, теперь не исчезал вовсе. Но особенно он был замечателен, когда в приемной зале Смольного института к нему устремлялась молодая девушка в форменном платье.

VIII

Едва ли какой другой день в году так подходил для венчания, как этот. Устоявшаяся весна преобразила Петербург. Адмиралтейский бульвар расцвел, Нева освободилась от ледяных оков, острова купались в зелени садов, привлекая утомившихся от пыли и суеты столичных жителей под свою прохладную тень.

Выбор церкви для свершения обряда оказался едва ли не самым сложным вопросом предстоящего торжества. Зинаида Андреевна, не знавшая Петербурга, увидев величественный Казанский собор, непременно решила венчать дочь именно здесь. Мнение Ивана Ивановича, как всегда, совпадало с решением супруги. Николай Петрович и Варвара Александровна желали видеть свадьбу сына в Спасо-Преображенском соборе – именно здесь более двадцати лет назад они были обвенчаны. Сами же Михаил и Аглая настаивали на Покровско-Коломенской церкви – все эти месяцы ожидания они встречались здесь каждое воскресенье. Михаил ездил в Коломну с Мильонной, чтобы видеть невесту, приходившую на службу, и место это сделалось для них значительным. Молодой князь не сдавался ни на какие уговоры родителей, проявляя свое обыкновенное упрямство. Но однажды в разговоре с сыном Варвара Александровна как бы невзначай начала вдохновенно рассказывать о своей свадьбе с Николаем Петровичем. Михаил сразу понял, к чему клонит маменька, и начался было обыкновенный спор, но княгиня так хорошо говорила, а сестры так умильно просили Мишу послушать маменьки, что князь, немало удивив их, согласился на Спасо-Преображенский собор. Склонить на свою сторону Аглаю ему не составило труда, а вот с Зинаидой Андреевной все оказалось не так просто.

Итак, венчание раба Божия Михаила и рабы Божией Аглаи заканчивалось теперь в Спасо-Преображенском соборе. У входа выстроились экипажи, собралась многочисленная

толпа. Военных не было совсем – Польское восстание призвало всех на поле боя – только несколько молоденьких адъютантов выделялись в толпе зелеными мундирами да блестящими аксельбантами. Приглашенные были, как водится, заняты тем, что обсуждали молодых. Если сын новопроизведенного вице-директора князь Озеров был уже несколько известен столичному обществу, то дочь генерал-лейтенанта Горина, да и его самого, ветерана, давно жившего в провинции, едва ли кто-то знал. Память света вообще коротка, и свежие сплетни занимают ее куда более, чем чьи-то давние заслуги перед отечеством. Но некоторые мужчины все же пытались припомнить, где могли видиться с Иваном Ивановичем, женщины же больше любовались на молодых и смахивали слезы.

Евдокия смотрела, как ее нарядный, сияющий брат садится с молодой женой в украшенную карету. Слева от нее стоял Павел, справа – Рунский, лицо которого тоже сияло – он представлял себя и Софью женихом и невестой. Но внезапно оно покрылось смертельной бледностью. Взгляд, пробежавший по толпе гостей напротив, остановился. Евдокия, взглянув на друга, едва не вскрикнула – так страшен был этот неподвижный взгляд, это лицо, сделавшееся более воротничков.

– Что с тобою? – тихо спросила княгиня. Евгений не отвечал. Тогда она проследила за направлением его взгляда и увидела в толпе графа Романа Платоновича Орлова. На свадьбу его, разумеется, никто не приглашал, он просто проходил мимо и, увидев толпу у церкви, из любопытства присоединился к ней. Но граф был не один – он держал под руку женщину, свою молодую супругу. Увидев, как бледно ее лицо, Евдокия вдруг обо всем догадалась. Это была она, Елизавета Круглова. Да, та, которая когда-то очаровала молодого Рунского, а потом, узнав, что он – член тайного общества, так легко отказалась от него. И вдруг она – жена Романа Платоновича. «Впрочем, они друг друга стоят», – подумала Евдокия.

Толпа начала медленно продвигаться к веренице экипажей, площадь постепенно пустела. Елизавета, жалуясь на головноекружение, торопила мужа домой.

* * *

– Евгений, граф Орлов – редкий подлец. Ему ничего не стоит доложить о тебе в Третье отделение, – тихо говорила Евдокия, стоя с Рунским в нише окна особняка Озеровых. Наступил вечер, и более узкий круг приглашенных собрался на праздничный обед. – Тебе нужно срочно вернуться в уезд.

– М-ск! Это означает – прощай, надежды на счастье, прощай, радость воскресных встреч, прощай, Софья! Нет, Рунский был не в силах отказаться от этого, разлука казалась ему теперь крушением всей жизни. Значит, он не увидит выпускного вечера в Смольном и сияющих глаз Софьи, получающей фрейлинский шифр... Неизвестно, сколько ему придется оставаться в деревне – может быть, никогда не удастся вернуться в Петербург. Захочет ли она, блестящая фрейлина императрицы, отказаться от своего положения ради него, бедного изгнанника, чтобы навсегда поселиться в провинции? Задумавшись, Рунский ничего не отвечал Евдокии.

– Евгений, я понимаю, тебе очень тяжело теперь уезжать, но подумай: что будет с Софьей, если...

– Ты хочешь сказать, если меня арестуют? – с пугающим спокойствием уточнил Рунский.

– Если мы завтра же отправимся в М-ск, ничего этого не случится.

– Мы?

– Я поеду с тобой.

Рунский хотел было что-то возразить.

– Это решено. Пойду распоряжусь обо всем, – прервала его Евдокия тем твердым голосом, которым говорила редко, лишь в минуты особенного подъема, и отошла от окна.

* * *

Граф Роман Платонович Орлов – управляющему 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, начальнику штаба Корпуса жандармов М.Я. Фон-Фоку.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Максим Яковлевич!

Почитаю долгом честного человека и верного Его Императорского Величества подданного сообщить Вам сведения особой важности. Как Вашему превосходительству известно, после событий декабря 1825 года не был предан надлежащему суду и последующему наказанию числившийся в списках тайного общества г-н Рунский. Он выехал из Петербурга до восстания, в коем участия не принимал и был признан пропавшим без вести.

Сегодня же, в первом часу пополудни на площади у Спаса-Преображенского собора, мною был встречен упомянутый г-н Рунский. Не зная сего господина, я бы не смог узнать его, но моя супруга Елизавета Артемьевна, графиня Орлова, указала мне на него, потому как в прежние годы они были знакомы. В тот час в Спасо-Преображенском соборе происходило венчание сына вице-директора департамента министерства внутренних дел, действительного статского советника князя Николая Петровича Озерова, титулярного советника князя Михаила Николаевича Озерова с дочерью генерал-лейтенанта в отставке Горина. Г-н Рунский находился в толпе гостей, посему вероятно, что был приглашен на венчание со стороны одного из семейств. Вот все, что я почитал своим долгом Вам сообщить.

Примите при сем уверения в чувствах совершенной преданности и глубочайшего почтения, с коим

имею честь быть
вашего превосходительства
милостивого государя
покорнейший слуга
Граф Р. Орлов.

М.Я. Фон-Фок – А.Х. Бенкендорфу

Ваше превосходительство, милостивый государь, Александр Христофорович!

Давеча я получил письмо от графа Орлова, который сообщает, что исчезнувший в 1825 году член тайного общества Рунский объявился здесь, в самом Петербурге. Вчера он был замечен графом Орловым среди толпы, собравшейся у Спасо-Преображенского собора, в котором тогда венчался титулярный советник князь Озеров с дочерью генерал-лейтенанта в отставке Горина. Рунский, несомненно, был приглашен на это венчание. Посему, предполагаю, должно учинить надзор за домами обеих семейств. За сим полагаю все на волю вашего превосходительства, имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою.

М. Фон-Фок.

IX

Хороши русские дороги, когда высокое солнце высушило, наконец, лужи, стоявшие еще с тех пор, когда сходил снег. Когда взор путника оживляют редкие полевые цветы, появляющиеся порой из-за густой травы. Когда небо глубоко-синее, каким бывает только поздней весной.

Просторная дорожная карета терялась в бесконечном степном пространстве. Евдокия, прислонившись к стенке, смотрела в окно, вид из которого разделялся на две полосы: нижнюю, узкую, изумрудно-зеленую и верхнюю, широкую, ясно-голубую, которая не имела конца и терялась где-то высоко-высоко, куда не достигает взор простого смертного. Она вспоминала, как родители, Миша и Пашенька уговаривали ее не ехать. Как сердился муж, как колебался Рунский, сейчас сидевший рядом мрачнее тучи. И как она все же поехала, считая это долгом по отношению к своему бедному другу, бывшему в одном шаге от счастья и вновь отброшенному от него судьбою

Рунского искали уже второй день. Жандармы перевернули весь город и продолжали дежурить у особняка Озеровых на Миллионной и у коломенского домика, что занимали Горины. Евдокия и Рунский выехали из Петербурга на рассвете следующего дня после свадьбы Михаила и пока беспрепятственно совершали свой путь до М-ска. Княгиня решила, что Евге-

нию лучше пока оставаться в поместье Озеровых и не появляться у Гориных. Если случится так, что жандармы арестуют его там, Ивану Ивановичу не избежать наказания – ведь люди Гориных знают Евгения, как племянника генерала. Внезапная мысль – как она не посещала раньше: «Орлов часто бывал у Гориных. Что если?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.